

ТАТЬЯНА Усташнова

— первая среди лучших —

Всесда совори «Всесда»

Книга по рейтинговому телефильму

Всегда говори «всегда»

Татьяна Устинова

Всегда говори «всегда»

«ЭКСМО»

2010

Устинова Т. В.

Всегда говори «всегда» / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2010 — (Всегда говори «всегда»)

ISBN 978-5-699-40843-6

Она была уверена в себе, в жизни, в своем муже, который казался ей лучшим из людей! Все изменилось в одночасье. Придуманный мир, такой милый и уютный, рухнул ей на голову, и она не успела спастись! Впрочем, она и не пыталась, ибо доверяла и любила, и ей даже в голову не приходило спастись от тех, кого любит! Ей предстоит выбраться из-под обломков и обнаружить, что цветущий сад, в котором она жила, превратился в груды дымящихся развалин!.. Но в трудностях рождается характер! Она найдет в себе силы начать все сначала. Она обретет новые точки опоры. Она узнает истинную цену словам и поступкам. Она станет сильной, а это совсем не легко!.. Может быть, ее новая жизнь и не будет похожа на цветущий сад, зато уж точно это настоящая жизнь. И мужчина рядом окажется самым настоящим, а не фальшивой картонной подделкой!

ISBN 978-5-699-40843-6

© Устинова Т. В., 2010

© Эксмо, 2010

Татьяна Устинова

Всегда говори «всегда»

Под утро ей опять приснился тот же самый сон.

Этот сон мучил ее, и, ложась спать, она заранее боялась и ждала его. Он повторялся, но в разных вариациях, и в них была некая иезуитская изощренность – в том, что вроде бы все то же самое, но всегда с какими-то новыми деталями.

Она боялась этих деталей и в то же время упивалась ими, как будто в них было предчувствие судьбы, и она страшилась и хотела заглянуть за занавес – вдруг там показывают то, что еще только когда-нибудь будет?..

И как пережить, если это будет на самом деле?

Сны были фотографические, четкие.

Впрочем, она и видела фотографии. Множество фотографий. Все они – яркие, радостные, чудесные. На них – счастливая семья, «семейная хроника».

Она сама, и дети, и Стас, и что-то такое веселое, пикник или, может, день рождения. Новогодняя елка с горой подарков под ней.

Стас в маске волка, смешной такой и совсем не страшный, милый, домашний, прирученный волк. И она в маске, только не знает в какой, посмотреться бы в зеркало, но его, как назло, нет! И она все ищет глазами зеркало, чтобы взглянуть, понять, кто же она, – и не находит.

А потом весна, зеленеющие деревья, речка под горой, дети в ярких куртках бегут по берегу. Бабка в платочке на крохотной железнодорожной станции, «весенняя» толпа пассажиров с корзинами и саженцами, обмотанными тряпками и пакетами.

Откуда взялась эта бабка? Может, она видела ее давным-давно, когда со Стасом на дачу ездили?..

Потом она смотрит детские рисунки, это уже дома или в большой светлой студии. Там почти нет мебели, зато много окон и широкого простора. Рисунки радостные, спокойные и совершенно разные – цветы, непонятные звери, кляксы. А вот на рисунках осень, желтые листья, синее небо.

Даже во сне она знает, что сейчас все закончится. Она знает и тянет и тянет время, боясь повернуться, потому что за спиной всегда оказывается одно и то же.

Огромное пустое помещение, и она в нем одна. Больше ничего и никого нет, только огромное пыльное зеркало на стене. Ее тянет к нему как магнитом, она не хочет идти, но все-таки идет, какая-то сила словно тащит ее. Она не хочет смотреть, но как преступник, которого тянет увидеть жертву, все-таки поднимает голову и вглядывается в мутное изображение.

И как только она начинает различать свое лицо, зеркало вдруг трескается, и осколки с грохотом сыплются на пол, ей под ноги!..

Всклипнув, Ольга резко села в постели.

В голове как будто остались осколки стекла, было остро, колко и страшно, и слезы, которые она вытирала кулаками, тоже казались ей стеклянными.

Да нет. Самые обыкновенные слезы. Она постепенно приходила в себя, и дыхание успокаивалось. И проклятые осколки перестали колоть.

Утро, кажется, раннее. Будильник еще не звонил, точно. И, похоже, она разбудила Стаса. А ему бы надо поспать!..

Он заворочался рядом, и она тихонько пошептала ему на ушко, как маленькому:

– Чш-ш...

– Оль, ты чего?.. Утро, что ли?

– Ты спи пока.

Ей хотелось его поцеловать, такого сонного и такого родного, и она поцеловала, коснувшись губами, легко-легко.

– Сколько там?

– Только полвосьмого.

Стас зевнул и потянулся.

– И чего тебе не спится?..

– Да опять приснилась ерунда какая-то...

Ему не хотелось вникать в «ерунду», которая ей приснилась. Ему хотелось еще поспать, ну хоть десять минут – он вообще был соня, рано вставать не любил и не мог, и для него всегда важны были эти утренние десять минут.

И Ольга об этом знала. Недаром они прожили вместе столько лет.

Он еще повозился под одеялом и сказал с добродушным неудовольствием, уже почти проваливаясь в сладкое марево:

– Сама не спишь и мне не даешь...

Ольга потрясла головой, прогоняя остатки дурацкого сна, и озабоченно посмотрела на будильник. Хочешь не хочешь, а надо вставать, валяться больше нельзя!

Сейчас навалится день, разгонится и покатится – день как день, ничего особенного, вчера был такой же, и завтра, бог даст, будет не хуже.

Маленькой в книжке про Ходжу Насреддина Ольга читала, что в размеренной, привычной и уютной жизни каждый день бесконечно долог, но, складываясь в годы, месяцы и недели, время мчится с непостижимой быстротой – оглянешься назад, и захватывает дух!.. Казалось бы, всего ничего, а целая вечность уже прошла.

Казалось бы – поженились только вчера, свадьбу сыграли!..

Вот именно «сыграли», а не «отпраздновали» и не «отметили»! Все было «по правилам», так, как надо, как «полагается».

Поначалу Ольга пыталась протестовать против аккордеона, тети Клавы и дяди Петра, а также против каравая на рушнике, дальних родственников из деревни, которых жених с невестой в глаза никогда не видали, против трех бутылей мутного самогона, которыми очень гордился будущий свекор, утверждая, что содержимое бутылей гораздо лучше магазинной водки.

– Да ты глянь, глянь, – говорил он Ольге и толкал ее в бок заговорщицки. – Чист, как слеза младенца! Никакой сивухи! Хоть генералов угощай!..

Будущий свекор всю жизнь прослужил водителем у разнообразных «больших начальников» и в генералах, по всей видимости, разбирался хорошо.

Ольге наплевать было на генералов, на свекра с его самогонным энтузиазмом, на свекровь, которая поджимала губы и говорила соседкам, что еще неизвестно, что выйдет из снохи. Странная какая-то, восторженная, рисованию училась, хотя чего ему учиться, рисованию этому, только деньги переводить!.. Самое главное, самое важное – у нее, Ольги, есть Стас и ее необыкновенная, огромная любовь к нему, какой, конечно же, ни у кого никогда не было и не будет!

Стас, высоченный, широкоплечий, сильный, хватал ее под коленки, сажал на плечо и носил – просто так, от радости жизни, от того, что она казалась ему маленькой и легкой, как пушинка!.. А она держалась за его шею, болтала ногами и замирала – от высоты, от счастья, от любви, от предчувствия еще больших, необыкновенных радостей.

Потом они целовались за смородиной на свекровиных «шести сотках», куда Ольга приезжала на «смотрины». Все соседи должны были оценить невесту. Стас считался завидным женихом – работающий, непьющий, предприимчивый, да и семья на ногах стоит крепко, деньжонки водятся, дачка достраивается, машина «Волга», ухоженная, чистенькая, не развалюха какая-нибудь, как у некоторых!..

Ольга изо всех сил старалась понравиться будущим родственникам – посмотрите, какая хорошая хозяйка, все у нее в руках горит, за что ни возьмется, все моментально сделает, и хорошо сделает, красиво!.. Она даже морковку полола как-то так, что грядочка после прополки как будто улыбалась благодарно, а всем на свете известно, что нет ничего хуже, чем полоть морковь, отмахиваясь от комаров и разгребая руками тоненькие веточки слабой зеленой ботвы!.. Веточки тут же начинают валиться во все стороны, и вид получается неряшливый, неопрятный, как будто волосы на голове выдрали клоками!..

Еще Ольга изо всех сил старалась понравиться друзьям и их женам – Стас женился одним из последних. Они приняли ее сразу, кроме, пожалуй, закадычного друга Митяя, с которым Стас когда-то служил в армии. Тот все чего-то фыркал, мотал лобастой башкой, косился и однажды даже сказал Стасу, что Ольга ему «не пара». Стас отмахнулся, а Ольга обиделась, но ненадолго. Она вообще не умела и не любила сердиться подолгу, всерьез. Умудренные опытом семейной жизни девицы, жены, говорили немного ревниво, что надо еще посмотреть, что будет через годок-другой. Поначалу-то все целуются, как бы потом драться не начали, всякое бывает. Жизнь штука такая, в ней не закажешь!..

Но Ольга точно знала, что драться они не будут, ни за что и никогда! Недаром в детстве ее учили рисованию. Картинки, нарисованные в голове, были так прекрасны, так заманчивы и так отчетливы, что она не сомневалась – все сбудется, и именно так, как она нарисовала!

Вот счастливый малыш сидит на загорелых папиных плечах, большие мужские руки уверенно держат пухлые детские ножки.

Вот утренник в школе или, может, в детском саду, и они оба любят белочку или зайчиком, скачущим в самом центре визжащего, веселого, счастливого детского круга.

Вот море до горизонта. Небо до моря. Песок до воды. В воде волны, синие-синие, и там, в синеве, как будто в счастливом сне, стремительно и неслышно идет под белым парусом яхта. На песке сидит босой мужчина, он улыбается, и солнце блестит на загорелой коже его плеча, и самое главное – это любимый мужчина, открытый, понятный и ясный, мужчина «навсегда», что бы ни случилось и как бы ни повернулась жизнь!..

Ольга Громова знала совершенно точно – если сильно чего-нибудь желать, это обязательно сбудется. Самое главное – желать... правильно.

Из того, о чем мечталось когда-то, сбылось почти все – дети, утренники, семейные пикники на природе, собственное дельце, небольшое, но свое, доход не бог весть какой, но на все хватает. На море, правда, пока так и не съездили, но, главное, Стас счастлив! Ему всю жизнь так хотелось заниматься машинами – вот он и занимается в своей автомастерской, где все как у людей, и гараж, и мойка, и мастера хорошие!.. К нему даже в очередь записываются, и вообще в их городке ее муж – человек не последний.

Когда она так подумала про Стаса – не последний, мол, человек! – ей стало вдруг ужасно смешно. Ну, надо же, до чего дело дошло, она думает, как какая-то клуша из кино про провинциальную жизнь!.. Лежит с утра пораньше под бочком у любимого супруга и размышляет – всерьез! – о том, что ее муж занимает «известное положение», и сама от этого в восторге.

– Ста-ас, – позвала она тихонько и засмеялась.

Ей очень хотелось, чтоб он проснулся. Она повернулась, подперла голову рукой и уставилась на него – вдруг он просто так возьмет да и проснется, но он, конечно же, не просыпался! Тогда она дунула ему в ухо. Он завозился, как разбуженный среди зимы медведь, но глаз не открыл.

Она знала, что он уже не спит, конечно. И все это была просто игра, и ей нравилось в нее играть.

Сделав вид, что совсем уже собирается вылезать из постели, Ольга неожиданно прыгнула на мужа. Какое-то время он крепился, а потом все же захохотал, и из-под одеяла высунулась рука и утянула ее туда, где было горячо и щекотно.

Некоторое время они целовались под одеялом, а потом Ольга вынырнула, просто чтобы подышать немного.

– Мама!

Они замерли, как школьники, застигнутые родителями на бабушкином ковровом диване.

– Е-мое...

Ольга быстро зажала ему рот рукой. Если лежать тихо и признаков жизни не подавать, может, еще и...

– Мама! Мам, вставай!

– Да что такое-то?! Чего она поднялась ни свет ни заря?!

Ольга вздохнула.

Ничего не выйдет, это уже ясно как день.

День, день...

День настал, ничего не поделаешь. Лучше бы еще хоть немножко он не настаивал, честное слово!

– У Машки сегодня утренник. Вчера она никак не засыпала, а теперь вот видишь... готово дело!

– Вижу. – Вид у Стаса был сердитый, и Ольга, просто чтоб его утешить, прошептала ему в самое ушко:

– Ничего, мы вечером все успеем. Да?

Он пожал плечами и зевнул, широко, во всю пасть. У него были великолепные крупные, белые зубы, как у молодого хищного зверя.

– Ты на утренник-то приедешь, папочка?

Стас захлопнул рот так, что зубы клацнули.

– Там поглядим.

Дверь скрипнула, и Ольга нырнула под одеяло – где-то там осталась ее скомканная ночная рубашка. В дверном проеме показалась растрепанная Машкина голова, которая сказала громким шепотом, со смешным негодованием:

– Мама! Ну, мама же!

– Машка, сколько раз мы с папой говорили, что в спальню заходить нельзя! Сначала нужно постучать, потом подождать, когда мы ответим, и только потом...

– Да-а, потом!.. Пока я стучать буду, мы на праздник опоздаем, я же в первой паре, с Колькой, он медведь! А если я опоздаю, с медведем поставят Ленку Брыкину!

– Не поставят.

– Поставят.

– Маш, выйди сейчас же, – сказал Стас внушительно, и Машку как ветром сдуло. Отца они с Мишкой побаивались немного, но Ольга считала, что это даже хорошо – раз побаиваются, значит, уважают, а авторитет отца в воспитании детей первое дело, по крайней мере, так в книжках пишут.

– Маша, я иду! И не беспокойся ты, никуда мы не опоздаем!

Пока закипал чайник, Ольга взболтала омлет в большой керамической миске – внутри миски были нарисованы цветы и птицы, ей очень нравилось. Все-таки когда-то она рисовала, и Григорий Матвеевич, учитель, говорил, что она «подает надежды». Цветы и птицы были куплены на базаре у грустного пожилого узбека, который уверял, что такими узорами расписывают посуду берберские гончары. Ольге понравился узбек и то, что он говорил о берберах, и теперь омлет у нее получался какой-то особенный, может быть, отчасти «берберский», хотите верьте, хотите нет!..

– Мама!

– А!

Ольга, потянувшись, достала с полки банку с чаем. Стас вечно ставит ее так, что не дотянуться!

– Мам, где мой рюкзак?

– Миш, он там, где ты его вчера бросил!

Запахло чаем, вкусно, по-утреннему. Впрочем, сама Ольга утром больше всего любила кофе, который, кроме нее, никто не пил.

Ну, она на работе выпьет!..

– Ма-ам, – жалобно провыл откуда-то Мишка, – а я не помню, где его бросил...

– Я тем более не помню!

– Ну, мам...

Тут в привычную утреннюю семейную симфонию вступил Стас, который тоже вечно все бросал и никогда ничего не мог найти.

– Никто не видел мои ключи?

– Никто не видел мой рюкзак?

Ольга разлила чай по кружкам – у Машки кружка с Винни-Пухом, у Мишки с машинками, а у Стаса с грудастой и хвостатой русалкой, эту гадость ему когда-то Митяй подарил. Ольга никак не могла от русалки избавиться, хотя и ненавидела ее лютой ненавистью. Русалка на кружке призывно изгибалась, вид у нее был на редкость распутный. Ольга повернула кружку так, чтобы не видеть русалкину физиономию.

За табуретку, когда Ольга попыталась ее отодвинуть, что-то зацепилось, поволоклось, Ольга дернула табуретку, но безрезультатно, и пришлось лезть под стол.

– Мишка, иди сюда!

Ее прекрасный сын тут же явился – в пижамных штанах, которые были ему коротковаты, кроме того, изрядно помяты. Сверху он был облачен в отглаженный школьный пиджак и белоснежную рубашку.

Ольга, пятясь, вытащила из-под стола цветной детский рюкзак и нос к носу столкнулась с сыном:

– О господи... На кого ты похож?

Не отрывая глаз от рюкзака, как если бы это была потерянная и вновь обретенная драгоценность, Мишка умильно пробормотал:

– На папу...

– На папу!.. – Ольга сунула ему рюкзак. – Забирай и штаны не забудь переодеть! А если будешь все бросать где попало, я тебя укушу. Стас, ты нашел ключи?

Ее муж втиснулся в кухню, заняв сразу очень много места, плюхнулся за стол и шумно отхлебнул из кружки с гадкой русалкой. Телевизор бухтел невразумительно, и Стас, на ощупь нащарив пульт, прибавил громкость.

– ...восемнадцатые лунные сутки. Сегодня следует обратить особое внимание на нижние конечности, а также правое предплечье. Займитесь спокойной работой по дому и избегайте отправляться в путешествия...

– Слышь, в путешествие сегодня не едем!

– Стас, ты нашел ключи?

– Не-а!..

Ольга выложила на тарелку порцию золотистого омлета, честно поделенного на четыре части – две побольше и две поменьше. Полюбовалась немного и пристроила рядышком со Стасовой еще одну, свою. Все равно поесть она не успеет. На работе перехватит чего-нибудь, когда кофе станет пить!..

– Ешь, пока не остыло. Будешь все бросать где попало, я тебя тоже укушу. – Примерившись, она легонько цапнула Стаса за ухо, и он отстранился.

В этом не было ничего такого, но все же он... отстранился.

Впрочем, ей некогда было думать об этом.

– Миша, Маша, завтракать быстрее, а то опоздаем!

Машка деловито влезла на свой стул и потянулась к кружке, заранее вытягивая губы дудочкой – ну, совершенно как папочка!.. Она была розовощекая, плотная, вся как гриб-боровичок, и все время улыбалась.

В данный момент она не улыбалась, а, напротив, была озабочена. Сосредоточенно подув на чай, Машка поспешила палец, влезла им в сахарницу, пошуровала там, облизала палец и объявила:

– Мамоchка, нам никак нельзя опоздать, я в первой паре!.. А если мы опоздаем...

– Знаю, знаю. С медведем поставят Ленку Брыкину. Мишка, ну ты где?

Раздалось бульканье, а потом невнятное:

– Зубья чищу.

– Не зубья, а зубы! Зубы чистят после еды! Давай быстрее!

Как полководец окидывает последним взглядом свой лагерь перед тем, как помчаться с докладом в ставку, Ольга оглядела стол, сунула пустые тарелки в раковину, отняла у Машки сахарницу, подвинула Стасу пепельницу, глотнула из Мишкиной кружки остывшего чаю и побежала одеваться.

Да! Еще ключи найти!

В спальне все было вверх дном. Стас, конечно, постель убрать не удосужился. Он не любил ежедневных и скучных домашних дел, и постепенно Ольга поняла, что проще все делать самой, чем воевать по поводу незастеленной кровати и пиджака, опять пристроенного на спинку стула вместо гардероба!

Иногда ее раздражало упорное нежелание мужа понять, что она «работающая женщина», как нынче принято говорить на заседаниях различных комитетов, призванных объяснить женщинам, как плохо они живут и как вскоре заживут хорошо – при помощи комитетов, конечно!

Но – и Ольга это прекрасно понимала! – от ее раздражения никогда и ничего не изменится. В раковине по-прежнему будет гора посуды, носки по-прежнему будут валяться на ковре возле кровати, а джинсы будут засунуты комом на полку с нижним бельем. Ничего не поделаешь.

Зато ее муж – не последний в городе человек, вот как!

Тут Ольга захохотала, кое-как расправила складки на покрывале, пристроила подушки так, чтоб было красиво, затолкала под кровать тапки, чтоб не лезли на глаза и не портили вид, но в то же время чтобы их было легко достать.

Ольге нравилась ее квартирka – не слишком большая, но уютная, хорошо продуманная, и ничего больше ей было не нужно. Она как будто немного гордилась собой, когда думала – пусть у других особняки, дачи, мансарды, мезонины, а у нас вот так, не слишком просторно, может, даже и тесновато, но зато это наше собственное, родное, устроенное именно так, как нам нравится!..

А у вас во дворцах как?.. Тоже уютно, как в наших сорока метрах?

Иногда ей попадались на глаза всякие модные журнальчики, где как раз писали про мезонины и мансарды, где предлагалось «оформить кухню в минималистском стиле», и фотография этой самой кухни – на полу черный блестящий мрамор, как возле мемориала павшим воинам, хромированные шесты, как в стриптиз-клубе, а на шестах вместо девушек пристроены какие-то плетеные металлические корзины. Еще непременно торшер с изогнутой, будто в судорогах, ногой, а также стеклянный стол на металлических подставках. На столе непременно бутылочка минеральной воды и диковинный треугольный стакан. И пустота, пустота вокруг, и непонятно, как можно поселить людей в такой интерьер – никак нельзя, ибо людям в нем нечего делать!

Что обычно делают на кухне? Готовят, едят, сидят, болтают, ждут пирога или мяса, запекающегося в духовке, пускают слюни и грезят об ужине! На минималистской кухне об ужине

грезить не должно. Болтать или просто так сидеть – неудобно. Есть на ней нельзя – вдруг насыплешь крошек на сверкающий мемориальный пол или позабудешь надкушенную булку посреди зеркальной поверхности! Что тогда делать? Как быть? Красота разрушится необратимо и навсегда, а уж дети с их липкими пальцами и собаки с болтающимися в разные стороны хвостами вообще на такой кухне невозможны, хоть плачь!

Вот и выходит, что на собственной кухоньке, где и тесновато, и темновато, и не слишком опрятно, особенно если Стас наставит везде свои чашки и пепельницы, лучше, чем на картинке из журнала!..

...Но где все-таки могут быть его ключи?

Зорко посматривая по сторонам и прикидывая, куда именно муж мог их засунуть, Ольга наскоро причесалась перед трюмо, с равнодушным одобрением осмотрела себя «в общем» – ничего, даже очень ничего! – кинула щетку на столик и обежала кровать.

Джинсы, конечно же, валялись на полу. Странно было бы, если бы они висели в гардеробе на вешалке!

Прислушиваясь к привычной утренней кухонной какофонии, как хороший механик прислушивается к работе мотора и по малейшему изменению тона понимает, что все может заглухнуть или, наоборот, пойти вразнос, Ольга быстренько обшарила мужнины джинсы.

– ...Самый благоприятный день сегодня у знаков огня. Стрельцы, вам повезет в бизнесе, и даже самые смелые начинания получают поддержку и понимание коллег и начальства...

– Машка, отстань! Пап, зачем она мне рожи строит?

– Папочка, а ты на утренник приедешь? Ну, пожалуйста, пожалуйста, папочка!..

– Пап, она теперь под столом толкается! Вот я тебя сейчас как толкану, мало не покажется!

– ...Тельцы ощутят необыкновенный прилив сил, но вам лучше не размениваться на мелочи, а сразу взяться за какое-нибудь большое дело, например, начать собственный бизнес...

– Пап, а что такое – размениваться на мелочи? А, пап? Это когда денежки в кассе меняют, да? Да, пап?

Стас промычал что-то невнятное, и Ольга, выскочив в коридор и на ходу сворачивая джинсы, проговорила громко:

– Размениваться на мелочи – это значит попусту тратить время и силы, Мишка. То есть заниматься пустяками вместо того, чтобы сделать то, на что ты на самом деле способен!

– Это для коров, да, мамочка?

– Почему для коров?!

– Ну, говорят же – тельцы!

– О господи, Тельцы – это знак Зодиака!

– А что такое знак диака?

Стас неожиданно захохотал:

– Ну, вот ты и объяснила, мать! Главное, дети все поняли! Ты мне скажи лучше, с балансом-то чего там? Успеешь?

– Успею. Стас, ты вчера в чем на работу ходил?

Затрезвонил телефон, Стас появился на пороге кухни, на ходу допивая из «русалки» чай:

– А черт его знает.

– Поня-атно... Телефон звонит, ты что, не слышишь? Возьми трубку, пожалуйста, а то мы сейчас вправду опоздаем!

Непроверенными остались карманы куртки и пиджак. Ольга аккуратно пристроила джинсы в гардероб и помчалась в прихожую.

Мишка и Машка, предоставленные сами себе, набирали обороты, как тот самый двигатель.

– А ты молчи, потому что ты мелкая еще! А все мелкие должны старших слушать!

– А я не хочу тебя слушать! Я хочу маму слушать или папу!

– Папа на твой утренник все равно не придет!

– А вот и придет! А вот и придет!

– Он мне сам сказал, что...

Ольга ворвалась на кухню за секунду до взрыва – профессиональный механик всегда умеет вовремя плеснуть воды в раскаленный механизм!

– Значит, так. Те, кто позавтракал, могут смело идти в машину! Это ясно?

Машка порывалась зареветь, уже даже мордашку скроила, и ей жалко было пропустить такую прекрасную возможность. Но Ольга ее опередила:

– Особенно те, которые в первой паре с медведем! И те, кто не хочет, чтобы в первую пару поставили Ленку Брыкину! Здесь есть такие?

Машка надула пухлые губы. В глазах у нее дрожали слезы, но мысль о медведе победила.

– Есть.

– Тогда быстро обуваться, одеваться – и на улицу! Папа сейчас договорит и тоже выйдет. – И Ольга вышла в прихожую.

Стас с трубкой ушел в комнату, оттуда доносилось его отдаленное бухтение:

– Да не, все хоккей. Хоккей, говорю... А че? Да мы давно все сдали, у меня жена бухгалтер.

Ольга, слышав это самое слово, «бухгалтер», – ненавистное почти так же, как русалка на кружке, – дернула плечом. Столько лет она пыталась научить Стаса говорить правильно, но он до сих пор произносил с известным шиком – академия, шинэль, да еще вот бухгалтер!..

– А ты че?.. – доносилось из комнаты, а Ольга все прислушивалась. – А он че?.. Серег, давно пора... Да я и сам... Не было. А к тебе приезжали? Когда? И че?

Во внутреннем кармане куртки что-то звякнуло – слава богу, вот и ключи! Дети выскочили из кухни, при этом Машка увесистой рысью неслась впереди, а Мишка за ней не поспевал, ему мешал рюкзак, волочащийся по полу.

– Тише, папа разговаривает!

Она вытащила куртку из шкафа, чтобы не пристраивать ее обратно на «плечики», все равно сейчас надевать. Из другого кармана, нагрудного, выпирало что-то существенное, квадратное, и Ольга полезла посмотреть, что еще ее рассеянный муж мог позабыть в куртке.

В глаза ей блеснула глянец синенькая коробочка размером с ладонь. Красивая такая коробочка.

Ольга Громова отлично знала, что именно бывает в таких коробочках.

Внезапно ей стало жарко. Так жарко, что даже лоб загорелся. Ольга потрогала его рукой – горячий.

Дети возились на полу, пихались, пыхтели и лезли под шкаф – искали свои ботинки. Стас договаривал по телефону:

– Серег, я подумаю. Ну, все, давай.

Она не могла спросить при детях – ну, никак не могла. И не спросить тоже не могла.

– Ребята, быстро на улицу. Стас, я нашла твои ключи.

Он вышел из комнаты, нажал кнопку на трубке, пристроил ее в телефонное гнездо, взял у жены из рук куртку, напялил и стал обуваться. При этом он сопел – совершенно как Мишка. Ольга растерянно смотрела ему в затылок, заросший густыми русыми волосами.

Затылок как затылок.

Стас разогнулся и с чувством чмокнул ее в щеку.

– Где нашла-то?

– А вот... в куртке.

Стас потрепал ее по волосам:

– Тебе бы поисковой собакой работать, а не бухгалтером.

Иногда он так шутил. Чувство юмора у него было такое.

Прогремли ключи, запахнулась дверь. Дети, как щенята, выкатились на площадку. Стас двинулся было следом, но Ольга решительно захлопнула дверь перед самым его носом.

Он изумился:

– Ты чего?! И так опаздываем!..

Ольга, как иллюзионист в цирке, достала из-за спины синенькую коробочку, блеснувшую ей в глаза.

– Стас, что это такое?

– Что?

– Вот это самое. Я искала твои ключи и нашла у тебя в кармане...

Она смотрела зорко – и ничего не высмотрела. Ее муж вынул у нее из пальцев коробочку, подкинул и поймал. Опять подкинул и опять поймал. Ольга, как завороченная, провожала ее глазами.

– А что такое за паника? Это я... это самое... тебе купил.

– Мне?!

Он вдруг рассердился:

– А чего, себе, что ли?! Я ногти не крашу! И губы тоже!..

Все это была какая-то чушь, и Ольга понимала, что чушь, но он так беззаботно подкидывал и ловил коробочку, а потом так искренне рассердился, что вся ее решимость мигом улетучилась.

– Стас, при чем тут... губы? Откуда у тебя в кармане помада и лак?

– Да я ж говорю, купил. Тебе, тебе, ну!.. Ты даешь, блин.

Лоб все пылал так жарко, что казалось – сейчас загорятся волосы.

– Ты никогда в жизни не покупал мне помаду...

Тут он рассердился всерьез, даже глаза потемнели. У него всегда глаза темнели, когда он сердился, Ольга отлично это знала.

– А теперь купил, блин!.. Видишь, по-французски написано – Декор. Декор небось, а не что попало, да еще какой-то Христиан...

– Диор, а не Декор, – машинально поправила Ольга.

– Да хрен с ними обоими! Откуда я-то знаю!.. Это ты у нас сильно образованная... А я в ваших бабских штучках ничего не понимаю.

– А зачем тогда купил?

– Ну, ты даешь – зачем! Подарок хотел сделать – зачем! Затем!

Она совсем не знала, что говорить.

Подарок?! Помада и лак в маленькой фирменной коробочке?! Ее муж ничего не понимал в косметике, даже духи никогда не покупал. Совал ей деньги и говорил что-то в том смысле – давай сама, тебе видней, откуда я знаю, что там тебе нравится!

И она считала, что это правда – раз он говорит, что не понимает, значит, не понимает! Ей проще самой купить, чем ждать от него сюрпризов.

А тут вдруг на тебе – подарок!

И что делать? Благодарить, что ли?..

Она и поблагодарила, очень неуверенно:

– Спасибо, Стас.

Но он уже набрал обороты, стрелка медленно, но верно заходила в красный сектор:

– Это же сюрприз был! А ты нашла... Ищайка прямо! И, главное, сразу с претензиями!..

– Стас, у тебя в кармане помада и лак. Что я могла подумать?

– Ничего ты не должна думать. Зачем ты у меня по карманам шарить?

– Да никогда я по твоим карманам не шарю! Я ключи искала...

– Ну, нашла, и спасибо тебе большое. Что, я не могу жене подарок купить?

– Можешь, конечно, но...

Стас перебил:

– Полдня выбирал, сюрприз хотел, а ты – с претензиями... С утра пораньше!..

И Ольга *позволила ему* убедить себя, а *себе разрешила* поверить.

Вот просто разрешила. И все тут.

Нельзя было не поверить в историю о том, что щегольскую коробочку с лаком и помадой муж купил ей в подарок.

Потому что не поверить означало, что жизнь кончилась.

До коробочки была – прекрасная, уютная, веселая, а после коробочки никакой такой жизни уже быть не может никогда.

Никогда не говори «никогда», утверждал герой какого-то фильма. Легко ему жилось, тому герою!..

Теперь, после того, как она *поверила*, ей ничего не оставалось делать, только каяться.

Ольга обняла Стаса, и его родное, такое знакомое тепло принесло ей облегчение.

– Ну, прости, прости. У меня даже в глазах потемнело, когда я увидела. Спасибо тебе, Стас...

Он дал себя обнять и сам обнял ее за плечи:

– Ладно, чего там... В следующий раз лучше спрячу. На. – Он сунул коробочку ей в руку, и она приняла. – Собачка ты моя поисковая... Давай, давай, хорош обниматься, опаздываем уже. Шевелись давай.

Почему-то ей очень хотелось плакать, но она сдержалась, конечно.

С коробочкой в руках – подарок мужа! – она понеслась в спальню, а Стас, изловчившись, вдруг шлепнул ее по попке.

...А может, все обошлось? Может, она на самом деле придумала какую-то глупость?! Говорят, конечно, что мужики сбиваются с пути, но не Стас же!..

У них такая любовь и такая семья, каких больше и на свете-то наверняка не существует!

Стас вышел из подъезда первым, посмотрел по сторонам и с удовольствием вдохнул холодный осенний воздух.

Он любил осень, холод, когда нет никакой летней маеты, жары, от которой весь размякаешь и начинаешь подтаивать, как конфета под названием «Сливочная помадка».

Летом – что? Летом никакой работы нету, никто «жестянку» не делает, потому что не бьются почти, ни гололеда тебе, ни снега, ничего!

Денежек летом всегда от этого мало выходит, а тут, как назло, в отпуск нужно тащиться, да еще со всем колхозом! Правда, ему, Стасу, всегда как-то удавалось от отпуска отбояриться, и Ольга одна с детьми отправлялась, но все мечтала, что на следующий год они уж точно поедут «всей семьей» и точно за границу!

Вот далась ей эта самая заграница! Чем дома-то плохо?! Вон какой профилакторий Газпром отгрохал на речке Чистой – тут тебе и бассейн, и сауна, и бильярд, и бар с рестораном, да еще вежливая obsлyгa, барином себя чувствуешь! Отдыхай, не хочу! На родных-то просторах всегда поуютней себя чувствуешь, чем в гостях! Нет, вот тянет ее, подай море, да и все тут! А ему, Стасу, никаких морей задаром не нужно!

Дети играли в «классики» у подъезда, скакали друг за другом и вопили. У Мишки на спине прыгал рюкзак. Стас поморщился. Он не любил, когда дети производили много шума или требовали забот. Вон у Ольги получается как-то с ними ладить, а его, Стаса, – увольте!.. Умиляться он не умеет, да вроде бы и нечему особенно. Дети как дети.

Проволоклась бабка Люба с первого этажа со своей тележкой, небось на базар ее понесло с утра пораньше!

– Здорово, баб Люб!

– И тебе не хворать! – Баба Люба, расположенная поговорить, приостановилась и кивнула на Стасовых отпрысков. – Детки-то как растут, это боже ж мой что такое!

– Растут, баб Люб.

– Они растут, мы стареем, ох, бежит время, ох, бежит!..

– Бежит, баб Люб.

– А ты молодец, – сказала старуха и хитро ему подмигнула. – Гоголем каким! Вот везет же некоторым бабам, которым такие мужики достаются! И дети у тебя присмотренные, и всех-то ты возишь-развозишь, и машина у тебя самая красивая в городе!

– Это точно, баб Люб!..

Машину свою Стас обожал, и бабкин комплимент был ему приятен. А что тут такого? И правильно все! Вон вокруг одни «пятерки» да «семерки» облезлые, да не «БМВ», а самые что ни на есть натуральные «Жигули»! Редко-редко попадет «десятка», а уж у кого «пятнадцатая», тот, значит, полный буржуй! А у него, у Стаса, машинка хоть и не новая, и до «БМВ» не дотягивает, но все равно иностранная и вся чистенькая, ухоженная, полировкой вон как блестит на осеннем солнышке. На такой не зазорно в самый что ни на есть богатый газпромовский санаторий пожаловать, и все сразу увидят – барин приехал, не кто-нибудь!

Ольга выскочила из подъезда, и бабка сразу же двинула свою тележку, задерживаться дольше не пожелала.

Неодобрительно так двинула. Почему-то Ольгу в доме не очень любили. Считали слишком образованной и еще гордячкой, что ли!.. А Стас считал – нормальная баба его жена! Не без придури, конечно, но из нее эта самая придурь не прет, как у некоторых. Понимающая, веселая, за детьми смотрит хорошо, в мужнины дела не лезет, чего еще надо? В отпуск ехать? Ну, он-то, Стас, сам себе голова и хозяин, не то что некоторые мужики – подкаблучники! С отпуском он как-нибудь разберется!

Дети все продолжали скакать, и Стас на них прикрикнул:

– А ну, в машину, быстро!

Фары подмигнули, дверцы тихо щелкнули, открываясь, и Миша с Машей друг за другом полезли на заднее сиденье.

– Здравствуйте, Любовь Андреевна!

Стас посмотрел по сторонам, никакой Любви Андреевны не обнаружил и только потом сообразил, что это так его супруга бабу Любу поприветствовала!

Вот черт возьми! И правда – дай только образованность свою показать и культурность! Будет ею в нос тыкать к месту и не к месту. Может, и правильно, что ее в доме не любят!

Да еще в карман полезла и нашла там, чего не надо было находить!..

– Стас, почему-то соседка со мной не поздоровалась.

От раздражения он ответил резче, чем хотел:

– А тебе какое дело, поздоровалась она или не поздоровалась?

Ольга покосилась на него и пожала плечами.

Какое-то странное, дурацкое утро. Все наперекосяк. Это потому, что сон приснился такой нескладный, нагонявший тоску.

Стас любовно тронул свою машину с места, выбрался на дорогу и дал по газам. Он любил большие скорости и никогда не отказывал себе в удовольствии погонять, тем более что все до одного гаишники в городе знали его в лицо.

Водитель машины, приткнувшейся чумазое рыльце за газетным киоском, внимательно наблюдал за ними.

Он видел, как выскочили дети, как вышел Стас, как бабка приостановилась, приткнула свою тележку, поправила платок и заговорила, заговорила!.. Но не Стас и не бабка интересовали его. Он дождался, пока выйдет Ольга, посмотрел, как она уселась на переднее сиденье, усмехнулся, когда Стас сделал на повороте лихой пируэт.

Он проводил тормозные огни взглядом и неспешно двинулся с места.

Первым пунктом в списке остановок числилась Мишкина школа. Как только Стас притормозил, Мишка тут же распахнул свою дверь и стал деловито выбирать.

Выбрался, нырнул обратно и стал тянуть рюкзак. Машка рюкзак не давала, таким образом произошла минутная потасовка, которую Ольга моментально остановила.

Она выскочила из машины, вытащила сына с заднего сиденья и сунула рюкзак ему в руки.

Мишка стал совать руки в лямки. Лямки путались, и руки никак в них не попадали, застревали. Ольга распутала лямки.

– Мишка, води себя прилично. И не рассказывай папиных анекдотов...

Сын неловко попрыгал, пристраивая рюкзак. Рукав куртки задрался, и рука никак не просовывалась.

Стас подпевал приемнику и нетерпеливо поглядывал в зеркало заднего вида.

– Почему не рассказывать, мам? Все смеются...

– Все смеются, одна я плачу!

Мишка наконец пристроил рюкзак на спину и уже приготовился бежать на школьный двор, где с визгом носились его собраты по несчастью, то есть по учебе, конечно. Он даже шаг сделал, но остановился.

Мать сказала что-то такое, что никак нельзя было оставить без внимания.

Ну да, конечно! Она сказала, что будет плакать!

– Мама, – Миша остановился и посмотрел на нее совершенно серьезно. – Ты лучше не плачь. Ты тоже смейся.

Ольга послушно засмеялась:

– Ну, конечно...

Стас сказал: хватит разводить антимонии, – он все время путал эти самые антимонии и антиномии, и они быстро попрощались.

Ольге всегда жалко было отпускать Мишку в школу, непонятно почему, жалко, и все тут, и она проводила глазами спину сына с прыгающим на ней рюкзаком.

– Оль, ну, поедem уже, а?!

Усаживаясь на переднее сиденье, Ольга заметила машину, вынырнувшую из-под светофора.

Машина как машина, ничего особенного, и тем не менее Ольга встревожилась.

Эту машину она знала, как свою собственную, и за несколько последних дней успела изучить ее до мелочей.

Она взглянула на Стаса, но тот продолжал подсвистывать приемнику и на Ольгины взгляды внимания не обратил.

Не буду говорить, решила она. Что тут особенного?! И так утром чуть не поссорились, а тут еще эта машина дурацкая! Шут с ней совсем!..

Но тем не менее в боковое зеркало все-таки взглянула.

Машина ехала за ними, не приближаясь и не отставая.

Ольга еще раз взглянула, а потом повернулась к Машке. Та как будто только этого и ждала, сразу придвинулась на сиденье так, что очень близко оказались блестящие глаза, тугая щечка, банты и волосы, расчесанные ровно-ровно.

Ольга, перегнувшись через спинку, поцеловала щечку и поправила бант, хотя с ним и так все было в полном порядке.

– Машкин, мы тебя сейчас завезем, а костюм я Вере Федоровне отдам.

– И уедешь, да, мам?

– Мне на работу надо. Но на утренник я успею.

Однако Машке нужны были гарантии.

– А вдруг не успеешь, мам? Тогда все пропало!

Ольга сказала успокаивающе:

– Конечно, успею. Вы еще пока порепетируете с Верой Федоровной... я и приеду. Обязательно.

Проклятая машина не давала ей покоя, и время от времени она поглядывала в заднее стекло.

Машина не отставала.

– А папа приедет?! Пап, ты приедешь?!

– И папа, конечно, постарается приехать.

Стас почти не слушал, о чем там они в сотый раз толкуют, и на утренник не собирался вовсе, но Машку он очень любил, кроме того, не хотелось, чтобы она приставала, потому и согласился сразу:

– Папа постарается.

Автомастерская – гордость и главное дело его жизни – помещалась в одноэтажном бараке на самой окраине городка.

За ними была только массивная бетонная плита с серыми буквами «Добро пожаловать», приветствовавшая таким образом гостей города. Сразу за плитой начинались деревни, а за ними леса и леса, на сотни километров вокруг.

Несколько лет назад Стас договорился с кем-то из городской администрации и арендовал пустовавший барак на какой-то бесконечный срок, лет на сто или двести, кажется. Барак, построенный в свое время немецкими военнопленными, оказался крепок, хоть и неказист с виду, а самое главное, в нем были свет и вода! Начиналось все с гаража на две машины, в который переоборудовали барак, а нынче дело расширилось – к гаражу пристроили еще пару боксов, добавились мойка, магазин запчастей и даже кафешка для дальнбойщиков. Может, для тех, кто привык выходные в Куршавеле проводить, а денежки все больше на миллиарды считать, это семечки и курам на смех, но Стас чувствовал себя настоящим бизнесменом, хозяином, начальником! И народу в подчинении у него было немало, человек пять, а иногда, когда заказов становилось много, доходило и до семи, шутка ли!..

И «офис» у них был – помещенище, где Ольга возилась со своей бухгалтерией, и где выписывались справки, счета и всякое такое, и где посетители посолидней могли посидеть в ожидании, когда прокачают тормоза или переставят резину, попить кофейку, журнальчики полистать, все по правилам!

Едва только машина Стаса влетела на площадку и затормозила, Ольга выскочила и помчалась к беленькой дверце, ведущей как раз в «офис». Времени у нее было мало, а дел полно, но все же, взявшись за ручку, она оглянулась.

Ну, конечно, ненавистная машина никуда не делась!

Как раз в ту секунду, когда Ольга оглянулась, машина притормозила, словно нарочно, словно издеваясь, а потом вдруг взревела, надала и пропала за углом.

Стас, никуда не торопясь, вылез из своей иномарки, оглянулся по-хозяйски, как командир оглядывая плац, – все ли в порядке, чисто ли выметен двор, достаточно ли блестит лозунг «Вооруженные силы – защита и опора Родины!».

– Станислав Анатольевич! – Издалека к нему поспешал небритый мужичонка в синей спецовке, заляпанной масляными пятнами кепке, заломленной на одно ухо, и клетчатой рубашке с закатанными рукавами – символ любого автосервиса, его альфа и омега, «народный умелец», вызывающий почему-то безусловное доверие всех водителей, приехавших отремонтировать свои драгоценные машины. Так хороший врач с вдумчивым взглядом, стетоскопом в нагрудном карманчике белоснежного халата и привычкой обращаться к пациенту «батенька мой» вызывает благоговейный трепет и надежду на моментальное излечение.

– Здорово, здорово, Михалыч.

– Не стучит коробка?

– Да нет, не стучит! Отгони ее в мойку, только пусть хорошо отполируют, а то в прошлый раз...

Дальше Ольга не слышала, дверца, ведущая в «офис», захлопнулась, отрезав ее от утренних звуков автомастерской, которые она, между прочим, очень любила!

В коридоре было полутемно, и в глубине его двигалось что-то темное, похожее на стог. Ольга знала, что это за стог, и совсем не испугалась. А вот темноты она не любила и поэтому, нажав выключатель, нажала сразу на обе клавиши. Стас всегда сердился, говорил, что свет нынче недешев и электроэнергию надо экономить, а она все равно включала!

Желтые лампы вспыхнули весело, как будто утро наступило после глухой осенней ночи.

– Ох ты, боже мой, напугала!..

– Доброе утро, Марья Гавриловна!

Уборщица с трудом выпрямилась, взявшись за спину. Тряпка шлепнулась в ведро, выплеснув на пол немного грязной пены.

– Оленька!.. Все бы тебе меня пугать!..

– Нет бы вам шваброй мыть! Я же купила недавно швабру! Куда вы ее дели?

Уборщица пожевала губами.

– Чего там намоешь этой палкой твоей! Ни в углах, нигде! Самая-то пылища всегда в углах собирается, и песок! А так, если только середку мыть, это что тогда такое за уборка?

– У вас же спина болит, тетя Маш.

– Совсем не отвалится.

Ольга всегда ее жалела.

Муж у тети Маши давно помер, сын, как водится, вырос непутевым, то появлялся, то пропадал, все кормил мать баснями, что завербовался на Север, на заработки, но никаких заработков было не видеть, а возвращался он всегда оборванный, больной, и мать его лечила, кормила, одевала – все на свои скудные денежки. Как-то между своими невнятными отлучками он ухитрился жениться, разумеется, на такой же пропащей, и все бы ничего, да родился Вовчик, внучок. Непутевый с пропащей моментально развелись, и бывшая невестка все грозилась подать в суд «на взыскание» – никаких алиментов, ясное дело, никто никогда не платил, а сумма набежала немаленькая. Тетя Маша все уговаривала пропащую в суд не подавать – нынче с этими алиментами строго, закатают по полной программе, а денег все равно взять неоткуда, и подбрасывала Вовчику то на ботиночки, то на курточки, то на тетрадки. Для того чтоб подбрасывать, счастливой бабушке приходилось мыть полы не только в автосервисе Стаса Громова, но еще и в больнице да в школе.

Какая уж тут спина!..

– Тетя Маш, я вам вчера мазь купила!.. – Ольга полезла в сумку, порылась, достала тюбик и стала тыкать им в красную, разбухшую от воды ладонь, больше похожую на тюленью ласту.

Марья Гавриловна с опаской приняла тюбик, как нечто невиданное, покрутила, кажется, даже понюхать хотела, но засмушалась.

– Это специальная такая мазь, для спины, – заторопилась Ольга. – К ней еще таблетки, но их нужно курсом пить. Сначала три дня мажете, а потом таблетки начинаете принимать. Я вам сейчас их не отдам, а то вы потеряете. Говорят, как рукой снимает.

Далеко отставив тюбик от глаз, уборщица шевелила губами – читала название. В это время ближайшая дверь распахнулась так резко, что стукнула Ольгу пониже спины.

– Ой!

– Оленька!

Парень в джинсах и рубаше с закатанными рукавами выскочил в коридор, притормозил возле них и закатил глаза.

– Я дико извиняюсь! Я тебя стукнул, да?

– Привет, Паш. Ты меня не стукнул.

Прыгучий Паша, не способный ни секунды постоять спокойно, переминался с ноги на ногу и все пытался заглянуть Ольге в глаза.

Он ее обожал, о чем Ольге было давно и хорошо известно.

На работе всегда так. На работе всегда есть обожатели и обожаемые, иначе все совместное дело застопорится, как двигатель без смазки.

В этом нет ничего опасного. Это просто... весело, вот и все. Ну, может, не всегда весело, но уж точно не имеет последствий и продолжения.

Ну, может, иногда имеет, но только не в ее, Ольгином, случае!

– Я сегодня... того-этого... кофе... купил. Буду в клуб вступать.

– Какой иш-шо клуб, Пашка! – влезла Марья Гавриловна. – Всю получку по клубам энтим промотайшь! Не ходи в клуб, Пашка!

Ольга с Пашей переглянулись, и он, пританцовывая возле дам, пояснил именно Ольге, а вовсе не тете Маше:

– Да в твой клуб, в кофейный! Ты ж кофе варишь!..

Ольга улыбнулась:

– Варю.

– Ну вот я и... купил, значит, чтобы ты, когда варишь... чтобы мы... меня тоже... при случае чтоб... пригласила!

– Павлик, да я ведь тебя и так всегда приглашаю!

Тут он смутился и на секунду перестал пританцовывать.

– Ну вот, я теперь купил это самое кофе.

Паша окончательно засмутился. И что он как дурак с этим кофе своим? Вон Ольга над ним смеется. Хотя нет. Ольга не смеется. Не над ним то есть. Она ни над кем никогда не смеется. Она... Улыбается она, вот что!

– Ты молодец, что кофе купил, – сказала Ольга. – Кофе лишним в хозяйстве не бывает. Ну, раз ты у нас теперь полноправный член клуба – тебе и карты в руки. Включай кофеварку!

– Я того... Щас включу, туда-обратно... И пить, значит, будем... Кофе то есть...

Ольга кивнула: само собой. Какое ж утро без кофе?

– А ты красивая сегодня, – выпалил Павлик, заливаясь до ушей краской. – Как всегда то есть!

И быстро ретировался. Кофеварку включать пошел.

Тетя Маша посмотрела ему вслед, покачала головой:

– Баламут. Одно слово – молодежь! Ох, и молодежь! Ветер в голове!

– Да что вы, тетя Маш! – Ольга снова заулыбалась. – У нас молодежь замечательная. Такие мастера, как Павлик, – на вес золота.

Тетя Маша повертела в лапище тюбик с мазью. Тюбик в ее руке выглядел крошечным.

– Оль... Я не могу... Это ж дорого очень, наверно? Я не возьму, Оль!.. Я лучше по старинке... горчички приложу... сальцем смажу...

– Да вы полгода мажете, тетя Маш, а ничего не проходит! Попробуйте, может, хоть от этого пройдет!

Тетя Маша еще раз взглянула на тюбик, вздохнула и прижала мазь к груди, точно это какая великая драгоценность, а не аптечная упаковка. Тете Маше было неловко. Сроду никто ей ничего не покупал – ни когдатошний муж, отчаливший в неизвестном направлении лет, пожалуй, что тридцать назад, ни сынок непутевый, ни уж тем более чужие люди. А тут хозяйка, на свои денежки.

– Спасибо тебе, Оль, благодетельница ты наша...

Ольга пожала плечами – вот еще, глупости! Какая она благодетельница?

– На здоровье, тетя Маш.

И быстро пошла к своему кабинету. Хватит разговоров, пора за работу.

* * *

Работа не ладилась. Ольга в третий раз пыталась свести дебет с кредитом. И никак они не сходились. Где она ошиблась? Вроде ведь несколько раз все проверила... А баланс нужно срочно сдать, кровь из носу. Стас ей специально утром напомнил: срочно! Спросил: успеешь? И она обещала. И должна, значит, успеть – ну не может она своего любимого мужа так ужасно подвести.

Ольга снова защелкала на калькуляторе, но в голове были не цифры, а яркая коробочка с золотым логотипом Кристиана Диора и машина с темными стеклами, которая вот уже несколько дней катается за ними как привязанная.

Хлопнула дверь. В крошечном закутке перед кабинетом, который Ольга гордо звала кухней (хотя какая там кухня, чайник да полка с посудой – вот и все), послышались торопливые шаги. Ольга, не отрываясь от ведомости, позвала:

– Тамара Павловна!

– Ой! – Секретарша нарисовалась в дверях – соломенные кудряшки, брови домиком, лиловая помада, ручки прижаты к объемистой груди, задрапированной шифоновыми рюшами. Выражение лица у Тамары Павловны было как у карманника, пойманного за руку. «И почему она вечно пугается?» – подумала Ольга.

Она недолюбливала Тамару Павловну, стыдилась этого и старалась вести себя с секретаршей подчеркнуто сердечно. Но то ли тонко чувствующая Тамара, несмотря на все Ольгины старания, таки чуяла фальшь, то ли Ольга была недостаточно искусной актрисой, а некоторая натяжка в отношениях все равно присутствовала.

– Ну вот что тебе не нравится? Нормальная ведь женщина, и работник хороший, – ругала себя Ольга. А поделать ничего не могла. Ну не нравилась ей Тамара Павловна, вот не нравилась – и все тут. И рюшечки не нравились, и кудряшки, и лиловая помада, и манера улыбаться сиропно-пресиропно, широко растягивая жуткие лиловые губы. Улыбается – а глаза холодные. Позовешь – начинает ойкать, сделает брови домиком, ладошку к сердцу прижмет: «Олечка Михална, как же вы меня напугали!» Чего, спрашивается, пугаться?

– Тамара Павловна, ну вот что вы все время пугаетесь? – спросила Ольга.

Секретарша теснее прижала ладонь к груди и пошла пятнами.

– Я? А что?! Я – ничего!

Ольга только головой покачала. Ну вот как с ней разговаривать? Встала из-за стола, прошла в закуток, воткнула чайник в розетку. Тамара, когда Ольга мимо нее проходила, прижалась спиной к стене и даже, кажется, живот втянула, будто стараясь стать как можно меньше и незаметнее. При ее гренадерском росте и необъятном бюсте получалось это не очень, прямо сказать.

Ольга достала из шкафчика чистую чашку, насыпала в чайник заварки.

– Олечка Михална? – Тамара Павловна высунулась из-за угла. – А вы что-то хотели, да?

– Я думала, раз вы на кухне были...

– Я?! Была? А что? – Тамара еще больше округлила глаза.

– Так я хотела вас попросить чай заварить.

– Я сейчас заварю. – В лице Тамары читалось облегчение, будто она опасалась, что Ольга ее попросит не чай заваривать, а доставить шифровку через линию фронта.

– Я заварила уже, – Ольга кивнула на чайник.

Тамара снова схватилась за сердце.

Да что ж такое, в самом деле? Корвалолу ей купить, что ли?

Ольга налила чаю, вернулась за стол. Прихлебывая из чашки, она придвинула к себе ведомости и снова занялась расчетами. Надо только сосредоточиться, выкинуть из головы все лишнее, и тогда дебет непременно сойдется с кредитом.

– Олечка Михална...

Ольга подняла глаза от бумаг. Тамара все еще маялась в дверях.

– Да, Тамара Павловна?

– Я вот спросить хотела...

– Спрашивайте, конечно.

– Вы сегодня во сколько уходите?

Ольга взглянула на часы. Батюшки-светы! Времени-то! Через полчаса у Машки утренник начнется, а еще же пленку надо в фотоаппарат зарядить...

– Вот сейчас прямо и уйду, Тамар Павловна!

Ольга быстро встала из-за стола. Баланс она доделает вечером, а сейчас надо пленку для фотоаппарата найти. Куда ж она задевалась, пленка-то? Неужели она дома ее забыла? Ольга наморщила лоб. Пленку она заранее купила. И положила в сервант... С утра она ее из серванта достала, это точно. А потом началась эта возня с поиском ключей, а затем она нашла у Стаса в кармане помаду и лак... Ольге снова сделалось неприятно, будто сквознячок прошел по щеке. Все же почему он ее купил, помаду эту? И лак еще. И такого цвета... Ольга сроду ногти не красила, а уж тем более в эдакий хищно-красный... Как же этот цвет называется? Она ведь знала, преподаватель по рисованию, милейший Григорий Матвеевич, рассказывал. Что-то про коршуна, про голубя... Ольга наморщила лоб, вспоминая. Голубиная кровь, вот как этот цвет называется. Очень точное название. Ольга представила себе, как будет выглядеть, когда покрасит губы и ногти дареным Диором. Очевидно, как женщина-кошка, только что выпотрошившая зазевавшуюся пичужку. Б-рр... Даже подумать неприятно. А между тем все женские журналы, которые Тамара Павловна захлеб читает, в один голос уверяют: мужчинам нравятся хищницы. Неужели правду пишут? Может, действительно нравятся? И не только каким-то там абстрактным непонятным мужчинам, но и ее Стасу – тоже? Может, ему захотелось перемен, новизны? Чтобы жена встречала его не в джинсах, а в алом атласном неглиже? В конце концов, они ведь не первый год женаты. А мужчины не терпят однообразия, во всех журналах пишут... И если жена не может быть разной, они заводят разных женщин...

– Господи, да что тебе дались эти журналы! – одернула себя Ольга.

У нее со Стасом настоящая, большая любовь! Может быть, тем, у кого такой любви нет, и нужна экзотика и постоянная смена ощущений – всякие женщины-кошки и тому подобное. Но не Стасу. Просто он действительно ничего не понимает в косметике. Спросил, наверное, у продавщицы: какой, мол, цвет самый лучший, ну та и посоветовала. У продавщиц – у них со вкусом известно как...

Да где же пленка-то?

Ольга вытряхнула на стол содержимое сумки и вздохнула с облегчением: сверху лежали три коробочки с пленкой. Кое-как позасовывав все обратно в сумку (Диора она мстительно затолкала на самое дно), Ольга зарядила фотоаппарат.

– Тамара Павловна! Я ушла! У Машки утренник сегодня, я обещала не опаздывать!

Тамара снова прижала лапки к груди. На сей раз в лице у нее вместо испуга было умиление.

– Ой! Машенька! Прелесть девочка у вас, Олечка Михайловна! Не девочка, а ангел небесный, ей-богу!

Удивительная все же женщина у них секретарша. Вроде бы приятные вещи говорит, Машку прелестью называет, более того, ангелом, а слушать ее не хочется. Уж такой елей в голосе, что просто во рту липко делается. И почему-то возникает желание руки помыть.

Ольга перекинула сумку через плечо.

– Ангел, точно. Тыфу-тыфу, чтоб не сглазить. Все, Тамар, я убежала. А то, если опоздаю, этот ангел мне устроит Содом и Гоморру. Вы Стаса не видели?

Умиление у Тамары на лице мгновенно сменилось испугом.

– Ой! Так он в гаражах! А что?!

– Да хоть спросить, собирается он или нет.

– Ой! А куда?!

На сей раз в глазах у Тамары Павловны был неподдельный интерес. Она даже забыла прижать ладошки к груди.

– Так к Машке же, на утренник! – Ольга удивленно посмотрела на Тамару и покачала головой. Что за странная женщина! Куда еще Стасу собираться посреди рабочего дня? И заспешила по коридору, поглядывая на часы.

Тамара постояла у стеночки, прижимая лапки к груди, еще минуточку, дождалась, пока стихнут на лестнице Ольгины шаги, на всякий случай выглянула в коридор – точно ли хозяйка ушла?

Обернувшись, нет ли кого в коридоре – а то уборщица тетя Маша уж очень любит в самый неподходящий момент вывернуть из-за угла со своей тряпкой, а уши у тети Маши – о-го-го, – Тамара подошла к телефону и набрала хорошо знакомый номер.

Прикрыв трубку сложенной ковшиком ладошкой, Тамара зааюкала в трубку:

– Алло? Это я! Ушла... Да, упорхнула. Теперь до вечера не жди, у девчонки у ихней праздник, побежала туда, ага.

У Тамары были самые веские основания опасаться, что, если кто-нибудь донесет хозяйке о том, чем она тут занимается, – жди беды. Хозяйка, конечно, тетеха тетехой, но в тихом омуте, как говорится, черти водятся.

* * *

Малиновая «девятка» въехала во двор автосервиса на полном ходу, обдав Ольгу потоками грязной воды из лужи. Брызги веером разлетелись из-под колес. В последний момент Ольга успела отскочить, но грязь все равно попала на подол юбки. Ольга судорожно принялась отряхивать подол. Надо скорее-скорее счистить грязь, а то хороша она будет на утреннике вся в пятнах, как леопард.

Да что ж за люди вокруг! Ну почему у нас облить человека грязью – в порядке вещей?

Пятна кое-как удалось затереть. Ольга посмотрела на свой носовой платок – грязный, скомканный – и бросила его в урну. Все равно не отстирается.

Из машины вразвалочку вышли двое бритых парней в черных кожанках. У одного в зубах была зажата сигарета. Затянувшись и выпустив колечко дыма, парень бросил «бычок» прямо на клумбу, красовавшуюся у въезда, придавил обувью в грубый ботинок ножицей, втапывая в грязь последние осенние астры, которыми Ольга так гордилась.

От того, как этот парень топтал – походя, даже не взглянув – ее клумбу, которую она сама любовно обустроивала, чтобы было красиво, чтобы радовало глаз, – у Ольги на глаза навернулись слезы. Другая бы на ее месте, наверное, гаркнула на парней: что вы, мол, делаете! Но Ольга не умела ни гаркать, ни на место людей ставить, ни носом тыкать. Она умела легко и весело выполнять любую домашнюю работу, воспитывать детей, составлять квартальные отчеты, готовить завтраки, утирать простуженным домочадцам носы и ставить горчичники. Она умела в зачатке свести на нет любой конфликт в семье, помирить детей, угодить свекрови, которую искренне любила просто потому, что это – мама ее обожаемого, дивного, единственного в мире мужа. Но, столкнувшись с откровенным хамством, Ольга пасовала. Она впадала в ступор, и из глаз сами собой лились слезы – по-детски крупные и горькие.

Однажды, когда они со Стасом только-только поженились, Ольгу ни за что ни про что, просто по мерзости характера, обхамила продавщица в дачном сельпо. Они приехали к родителям Стаса на выходные, и Ольгу отправили за хлебом, пока Светлана Петровна готовила обед, а Стас с отцом прокачивали у машины тормоза. Вернулась Ольга без хлеба и вся зареванная. Свекровь, узнав, в чем дело, только головой покачала: и угораздило сына привести такую малахольную невестку. Обидели ее, видите ли! Подумаешь! Ничего ужасного продавщица ей не сказала, чтобы так рыдать. И вообще: не нравится тебе, как с тобой работник торговли разговаривает, – так ты не рыдай, а ответь ему, как полагается, чтобы он язык-то свой поганный прикусил и делом занимался! А то и жалобную книгу можно потребовать и начальству пожаловаться! А нюни распускать – последнее дело.

– Как она рожать-то будет, нежная такая? – пожимала плечами свекровь.

Но с этим Ольга вполне справилась.

...Ольга стояла во дворе автосервиса, глотая слезы. Один из парней – не тот, что топтал клумбу, другой – обернулся к ней:

– Эй! Хозяин где?

– В гараже. Что вы хотели?

– Что хотели – вас не касается, дамочка, – буркнул парень, смерив Ольгу взглядом, и длинно плюнул на асфальт сквозь зубы. – Хозяина позови!

Из глубины гаража появился Стас.

– Вот хозяин, – кивнула Ольга в сторону мужа.

У Стаса было странное, напряженное лицо.

– Стас? – Ольга подошла, дотронулась до его рукава. – Стас?..

– Оль, потом, ладно? – Он вывернулся из-под ее руки, шагнул навстречу кожаным парням.

– Стас, у Маши утренник... – Ольга семенила за мужем, а тот и не смотрел на нее.

– Ты иди, иди, Оль... – сказал Стас, даже не обернувшись.

Так сказал, будто прогнать ее хотел поскорее – иди, не мешай.

– Я пойду, да?

Ольга потянулась поцеловать Стаса, но тот дернул головой, и поцелуя никакого не вышло.

– Иди уже!

Ольга доверяла мужу целиком и полностью – раз он хочет, чтобы она ушла, значит, на это есть причины. Она пойдет сейчас на утренник, а потом, вечером, они со Стасом обо всем поговорят.

Ольга быстро вышла за ворота.

Когда она ушла, кожаный парень снова вытащил сигарету, закурил, пустил дым Стасу в лицо.

– Ну что, надумал?

* * *

Пианино было расстроено, на плакате «До свиданья, осень золотая!» восклицательный знак заваливался на сторону, у Тани Скороходовой, изображавшей яблоко, сполз гольфик, но это все не имело никакого значения, потому что праздник все равно получился замечательный, отличный праздник получился. Нарядные, раскрасневшиеся, девочки и мальчики так важно вышагивали под полечку, так старательно и громко пели «Осень, осень золотая, время сбора урожая!», что Ольга все ладоши себе отбила, аплодируя. А когда Алеша Никитин из Машкиной группы прочел стихотворение, вскочила со стула и закричала: «Браво!» – с таким уморительно серьезным видом мальчик рассказывал про листья золотые, которые по двору кружат.

Машка плясала в паре со своим медведем, кружевной передник порхал в такт шагам, толстенькие косички смешно торчали из-под красной шапочки (потому что именно Красную Шапочку Машка и изображала). Ольга, пригибаясь, прошла между рядами низких стульчиков, чтобы пофотографировать дочку, снять со всех сторон. Машка плясала самозабвенно, сосредоточенно, шевелила губами – считала шаги. Она и дома шаги считала, когда перед сном скакала по комнате с воображаемым Колькой, приговаривая: и – раз-два-три-четыре, и – раз-два-три-четыре! Она топала, хлопала, супила брови – а у Ольги сердце заходило от нежности.

Когда танец закончился, Машка с видом театральной примы вышла на поклон, сорвала овации и, энергично работая пухлыми локотками, стала протискиваться через толпу медведей, уток, яблок и осенних листьев к Ольге.

– Ты видела меня?! Видела?! Да?!

Ольга схватила ее в охапку, расцеловала раскрасневшуюся после танцев мордашу.

– Мам! Ну ты чего? У меня шапка сваливается! Ну как? Как?!

– Лучше всех! Как медведь? Не отдал тебе ноги своими лапами?

Машка посмотрела на Ольгу круглыми глазами:

– Мам! Ты чего? Это ж не всамделишный медведь, это ж Колька! Ты разве не узнала?

Ольга чмокнула дочку в нос.

– Просто он в костюме очень на настоящего медведя похож. Дай я тебе косичку поправлю...

Косичка растрепалась, бант сполз на самый кончик. Ольга открыла сумку. Где-то ведь у нее расческа была. Как обычно, то, что нужно, не найдешь, всегда оно на самом дне оказывается.

Ольга энергичнее зашуровала в сумке. Что-то стукнуло об пол. Ну конечно! Снова коробочка с помадой! Сине-золотой Диор...

– Мам, мне назад надо... Мы сейчас петь будем! – Машка рвалась из рук. – Потом причешешь!

Ольга наскоро затянула бант потуже, отпустила дочку, подняла с пола коробочку.

– Все красоту наводишь?

Сверху Ольге улыбалась молодая блондинка, мама Машкиной одноклассницы. Девочку ее зовут Надя, Ольга помнила. А маму? Кажется, Наташа... Или Аня?

– Муж подарил, – Ольга быстро спрятала коробочку в сумку.

– Диор, – протянула Наташа-Аня. – Я на площади в косметике видела. – Наташа-Аня вздохнула: – Хорошо, когда муж богатый да заботливый. Повезло тебе.

– А я вообще везучая, – кивнула Ольга. Сказала это легко, привычно, соглашаясь – да, везучая. Но где-то глубоко внутри противный тонкий голосочек спросил: «Правда? Сама-то ты в это веришь?»

Ольга встряхнула головой, чтобы голосочек отогнать. Ей захотелось сунуть эту треклятую помаду Наташе-Ане в руки и никогда, никогда больше о ней не вспоминать. Наташа-Аня обрадовалась бы, наверное. Конечно, никому Ольга помаду не отдала. Это же подарок, Стас же полгорода обегал, пока выбирал, он обидится, если Ольга так с его подарком поступит.

Потом они с Машкой переодевались и шли домой через парк, и Машка без умолку трещала, как Колька спутал слова в песне, а Ольга бурно выражала восторг по поводу праздника золотой осени. И противный голосочек умолк. По крайней мере, на время.

* * *

Будний день, а на рынке все равно людно. Снуют туда-сюда покупатели, торговки тащат тележки с яркими тыквами, толстенькими кабачками, огненными помидорами... Азербайджан

нец Гарик нахваливает во весь голос свой товар – виноград, дыни, персики. По-осеннему богатый рынок играет всеми красками, все здесь ярко, солнечно, радостно.

Ольга на рынок всегда как на праздник ходила. Стас только плечами пожимал – хорош праздник, репу да картошку выбирать. А ей нравилось. И репу выбирать – желтую, крутобокую, и картошку – с прозрачной красной кожурой, и глянцево блестящие яблоки, и розовато-золотистый лук...

Ольга направилась к лотку с дынями – яркими, душистыми, от одного взгляда на эти дыни настроение поднималось. На ощупь дыни были шершавые и чуть-чуть теплые, будто их только-только сняли с бахчи. Она принялась выбирать дыню, приподнимая и похлопывая каждую по спинке, когда кто-то аккуратно, но крепко взял ее за локоть. Ольга ойкнула и выронила дыню обратно на прилавок.

– Оленька, бога ради, простите старика. Я вас напугал.

Ольга улыбнулась. И чего она перепугалась? Это всего лишь Григорий Матвеевич, ее старенький учитель рисования.

Григорий Матвеевич пришел к ним в школу вести уроки рисования, когда Ольга была в пятом классе. Прежняя учительница вышла замуж и уехала к мужу на родину. Куда-то то ли в Кировоградскую область, то ли в Краснодарский край. На следующем уроке вместо нее в класс вошел пожилой мужчина со встрепанной седой шевелюрой. Он был похож на взъерошенного задиристого воробья.

– Меня зовут Григорий Матвеевич, – сообщил он. – Я ваш новый учитель рисования.

Григорий Матвеевич в то время работал художником в местном Доме культуры и рисование в школе вел по совместительству. Он говорил с пятиклассниками как со взрослыми, на уроках рассказывал про то, чем импрессионизм отличается от авангардизма, читал вслух переписку Гогена с Ван Гогом, объяснял про композицию и перспективу. В классе зевали, а Ольга слушала, как завороченная. Рисование стало ее любимым предметом. Она мечтала получить в подарок на день рождения новые краски, после школы бежала в книжный и подолгу торчала там, листая альбомы репродукций (продавщицы привыкли, стали ее узнавать и не гоняли). Однажды, после того, как Григорий Матвеевич рассказал им про художника Федулова, который сильно бедствовал и не имел достаточно денег, чтобы купить хлеба и заплатить за квартиру, Ольга расплакалась прямо на уроке. Весь класс над ней смеялся, но она ничего не могла с собой поделать – уж очень жаль было художника.

Как-то к Восьмому марта классная руководительница велела им подготовить тематическую выставку. По замыслу классной, каждый ученик должен был нарисовать портрет мамы, а потом все эти портреты вывешивать на стенде в вестибюле, и родители будут любоваться творчеством своих отпрысков.

Маму рисовали весь урок. Ольгина соседка по парте, Светка, старательно выводила золотые кудри на голове человечка-огуречка в юбке, от усердия высунув кончик языка. Ольга испортила листов десять, но маму нарисовать так и не смогла. Не выходило у нее похоже. Все казалось, что мама получается какая-то недостаточно красивая и недостаточно добрая... Самым удачным рисунком, по мнению Ольги, был тот, на котором вместо человека с руками-палочками и копной кудрей были чашка, букет цветов и книга. Светка, заглянув Ольге через плечо, выкатила глаза:

– Ты что, это сдавать собираешься?

Ольга кивнула. Светка вытаращилась еще больше:

– Ты чего?! Нельзя! Нам велели маму рисовать, специально к Восьмому марта! А у тебя тут ее нет! Только книжка какая-то! Тебе двойку влепят!

Ольга подумала, что Светка права и двойку действительно влепят, потому что мамы на картинке нет. Она совсем было уже собралась смять рисунок и сунуть в портфель, а потом выбросить где-нибудь в туалете. Но тут по рядам пошел Григорий Матвеевич собирать работы,

и Ольга ничего не успела сделать. Учитель взял позорный рисунок со стола и сунул в общую пачку.

На следующий урок Ольга идти не хотела. Боялась, что учитель будет ее ругать. А еще больше боялась, что все снова станут над ней смеяться. У нее даже живот заболел, так было страшно. Она пожаловалась маме, но та сказала, что надо уметь преодолевать трудности, дала Ольге таблетку но-шпы и отправила в школу.

Урок прошел как обычно, хотя Ольга сидела словно на иголках. Григорий Матвеевич рассказывал о купце Третьякове, основавшем в Москве галерею, а потом они рисовали грушу на тарелке. Ольга было уже решила, что пронесло, но после звонка, когда все кинулись вон из класса, Григорий Матвеевич поманил ее пальцем:

– Оля! Задержись на минуточку!

Они остались вдвоем в пустом классе. Учитель вытащил из пачки Ольгин рисунок.

– Твой?

Ольга залилась краской и молча кивнула. Ей хотелось провалиться сквозь землю.

– У вас было задание нарисовать маму. Почему ты нарисовала именно это? Чашку, букет, книгу?

– У меня не получилось похоже... – тихо сказала Ольга.

Как объяснить, что при мысли о маме в голове сразу возникает образ: на столе – чашка кофе и цветы... Они пахнут, и от этого в доме как будто бы лето. И открытая книга на столе – перед сном мама будет читать Ольге про приключения мушкетеров. Она не могла всего этого сказать – просто чувствовала.

– Извините, – промямлила Ольга. – Я перерисую...

– Не за что извиняться! Ну-ка, погляди на меня!

Ольга подняла глаза и увидела, что Григорий Матвеевич улыбается.

– Слышишь? Ничего не нужно перерисовывать! Это самый лучший рисунок из всего класса. Знаешь, что я понял, когда смотрел на него? Что мама очень тебя любит, а ты ее. Тебе удалось это передать.

После этого Григорий Матвеевич стал к Ольге присматриваться и вскоре пригласил заниматься рисованием дополнительно, отдельно от всего класса. Он пришел к ним домой, поговорил с мамой, и после Нового года Ольга стала брать уроки рисования три раза в неделю. На день рождения мама подарила ей настоящий мольберт и коробку красок «Нева» в тюбиках, которых не было в магазинах, и бог знает через кого и как мама эти краски достала.

В старших классах все девчонки ходили на танцы, в дискотеку и кафешку на проспекте Ленина, а Ольга продолжала заниматься рисованием и ни за что не променяла бы эти уроки ни на какую дискотеку. Одноклассницы звали ее гулять, а она отнекивалась – не могу, мне на этюды надо. Девчонки из-за этих уроков в конце концов стали считать ее не то чтобы совсем дурочкой, но странноватой. Если бы Ольгу заставляли заниматься рисованием – тогда все понятно. Вон Алку заставляют на музыку ходить, а Илонку – на английский. Попробуй пропусти занятие – живо получишь от матери нагоняй, и не будет тебе ни дискотеки, ни новой кофточки, ни карманных денег. Но Ольга на свои уроки рисования ходила добровольно. Этого девчонки понять не могли.

...– Нисколько вы меня не напугали, Григорий Матвеевич, просто неделя суматошная выдалась, нервы шалят.

Неделя действительно выдалась суматошная – надо было сдавать баланс, готовиться с Мишкой к контрольной по математике, да еще Машка опять застудила горло и после утренника несколько дней сидела дома, больная и несчастная. Но вся эта суматоха к нервам не имела ровно никакого отношения. Вся эта суматоха была обычной, будничной, это была та самая Ольгина жизнь, которую она так любила. И балансы сводить любила, и примеры с Мишкой

решать. Не любила Машкины ангины, конечно. Но ангину она умела лечить. И в нервозность по этому поводу не впадала.

Дело было в странном, почти неуловимом предощущении беды, с которым она жила последние несколько дней. Ольга убеждала себя, что все в порядке, но смутное беспокойство нет-нет да и высовывало змеиную головку и тихонько шипело – думаешишь, ты такая везучая? Думаешишь, с тобой не может приключиться беды?

Позавчера на сервис снова приезжали кожаные парни и о чем-то долго говорили со Стасом. Стас после этого весь вечер ходил хмурый, дома с Ольгой не разговаривал, поужинал и завалился на диван перед телевизором. А когда она спросила, кто это был, ответил, что никто это не был и вообще он устал. Сегодня уехал ни свет ни заря...

– От нервов, Олечка, первейшее средство – валериана, – сообщил Григорий Матвеевич. – Попробуйте, уверяю вас: все как рукой снимет!

– Непременно попробую.

Ольга улыбнулась, взяла Григория Матвеевича под руку:

– Как вы? Я что-то забегалась, все собираюсь позвонить, и все никак...

– Что мне, старику, сделается? Все у меня в порядке. Расскажите лучше про себя. Как супруг? Ребята?

– Они у меня молодцы.

– Ну-с, каков поп, таков и приход. То есть не поп, конечно, а вы, Оленька. Рисуете?

– Что вы, Григорий Матвеевич, когда мне! И на работу надо, и к свекрови... Вот фотографирую только.

Григорий Матвеевич нахмурился:

– Фотография – хорошее дело, но этого мало, Оленька, мало! У вас талант! А вы смеее отговариваться. Вы – лучшая из моих учениц!

– Когда это было... Сто лет прошло, а вы все вспоминаете. У меня сейчас и таланта, наверное, никакого не осталось. Ничего из меня не вышло...

Григорий Матвеевич всплеснул руками:

– Что она говорит, боже мой, что она говорит! Сколько вам лет, девочка? Тридцать?

– Тридцать четыре.

– Ребенок! Младенец! И смеет говорить – не вышло! Мне скоро восемьдесят, и я все еще... надеюсь.

Григорий Матвеевич всегда был большим романтиком. Увлечшись живописью в ранней молодости, он окончил Строгановское училище, участвовал в выставке молодых художников, а потом в одночасье все бросил и переехал из Москвы в захолустный, ничем не примечательный городишко.

Ольге это было странно. Нет, она любила свой город, но Москва – это же Москва, это миллиард возможностей, музеи, галереи, выставки, Дом художников! Сама Ольга не думала, что когда-нибудь решилась бы уехать в такой огромный, суматошный, сложный город. Она была трусихой и домоседкой. Но Григорий Матвеевич – совсем другое дело. Да и Москва ему не чужая. Он там родился, вырос, училище окончил...

Как-то раз Ольга спросила: почему? Григорий Матвеевич выпустил колечко дыма в потолок, достал с полки альбом Сурикова, раскрыл, показал Ольге картину. На картине ничего особенного вроде бы не было – церковка, береза, грачи... Но во всем этом было столько красоты, что хотелось смотреть и смотреть.

– Вот поэтому, милочка, только и исключительно по этой причине. Возьмите художников-передвижников – Сурикова, Маковского, Репина... Каждый из них мог преспокойно сидеть в Москве, в студии, писать «Пир бога Одина в Валгалле» и в ус не дуть. Но ведь не сидели же! Понимали: настоящая красота – в простых вещах, в маленьких городках... Вам, Оленька, посчастливилось среди всей этой красоты родиться. Даже ехать никуда за триде-

вать земель не нужно. Так что вы уж не разбрасывайтесь своим счастьем! Смотрите по сторонам, любуйтесь, хлебайте всю эту красоту большую ложкой и рисуйте! Как можно больше рисуйте! У вас, милая моя, талант. Непозволительно его зарывать!

Ольга посмотрела на учителя с нежностью. Постарел, похудел еще больше, но все еще похож на задиристого воробья. И по-прежнему считает ее девочкой.

Ольга улыбнулась:

– Моя Машка девочка, а не я, Григорий Матвеевич! Пусть теперь она рисует.

В глазах учителя загорелся живейший интерес:

– А она пробует?

– Не рисовать. Танцевать.

Григорий Матвеевич закивал: понятно, понятно...

Ольга глянула на часы. Батюшки-светы! Времени-то! Торопливо обняла учителя:

– Григорий Матвеевич, милый, мне бежать надо. Я вам позвоню, непременно!

Учитель заторопился, засутился:

– Конечно, Оленька, конечно, совсем заболтал я вас, простите великодушно. Старички болтливы и недогадливы. Разумеется! Честь имею кланяться. Поклон супругу. Вы и правда позванивайте, а то я волнуюсь – одна вы у меня остались.

«А ведь и вы у меня один остались, – подумала Ольга. – С тех пор, как мама умерла, роднее человека нет. Кроме Стаса и детей, конечно».

Ольга чмокнула учителя в морщинистую щеку и заспешила к выходу. А Григорий Матвеевич смотрел ей вслед и качал головой. Не рисует! Ну как это возможно?

* * *

От рынка до дома – пять минут ходу. Ольга вышла за ворота, миновала бабулек, продавших зелень, но не успела и десяти шагов пройти, как рядом резко затормозила машина с темными стеклами и заляпанными грязью номерами. Та самая, несколько дней маячившая в зеркале заднего вида – возле дома, около Мишкиной школы... Ольга отпрянула назад, замерла на краю тротуара.

Дверца открылась, и из машины выглянул Митяй, закадычный друг ее Стаса.

– Садись, подвезу!

Митяй на такую удачу даже и не рассчитывал. Он караулил Ольгу всю неделю, по городу за ней катался, но удобного случая застать ее одну так и не выпало. Митяй махнул было рукой на свою затею, и тут ему повезло. Он ехал на заправку, когда заметил выходящую с рынка Ольгу. Бывает же: только сейчас о ней думал, и пожалуйста!

В сущности, Митяй думал про Ольгу почти всегда. Во всяком случае – очень часто. Значительно чаще, чем полагается думать о жене своего лучшего друга. Не то чтобы он прямо вот так вот целыми днями напролет размышлял про Ольгу или распевал денно и ночью арию из «Евгения Онегина»: «Ольга, я люблю вас, Ольга». Ничего такого. Митяй и Онегина-то не слышал никогда, какие там арии. Но где-то на заднем плане сознания Ольга неизменно присутствовала. Часто он начинал думать о ней в самый неподходящий момент. Лежа с другой бабой в постели, например. Это никак не мешало. Наоборот, когда Митяй представлял себе вместо Даши или Маши Ольгу, все получалось на удивление с огоньком. Но как-то этого было недостаточно.

Впрочем, последнюю неделю он думал об Ольге не просто так, пережевывая свою обычную жвачку. Он думал о совершенно конкретной проблеме, которая в ее жизни наметилась. И тут – нате-здрасьте, Ольга, одна-одинешенька, как по заказу.

– Садись-садись! – повторил Митяй.

Глаза у него были черные, близко посаженные, острые. Когда Митяй смотрел на Ольгу, она чувствовала себя голой. Еще у Митяя была неприятная манера здороваться с ней за руку. Он сжимал Ольгину ладонь холодными, всегда чуть-чуть влажными пальцами и растягивал тонкие губы в усмешечке. Пожимаешь ему руку – и будто жабу трогаешь. Было в этих рукопожатиях, в этих его усмешечках что-то гадкое, скользкое. Долгое время Ольга ни о чем не догадывалась, а потом, в гостях у общих друзей, Митяй прижал ее в уголке. Ольге удалось вывернуться и свести все вроде бы к шутке. Но с тех пор она с мужниным лучшим другом видеться старалась как можно реже. Иногда Митяй заезжал в гости, и Ольга, накрыв на стол, быстро ретировалась, отговариваясь тем, что не хочет мешать «мальчикам» общаться. Стаса это вполне устраивало.

Стас как-то обмолвился, что лет пять назад у Митяя были проблемы. Вроде бы на него наехали местные бандиты. Но Митяй быстренько все разрулил, и те самые бандиты, что на него наезжали, теперь его прикрывают. Да и не бандиты они давно, а сплошь депутаты, чиновники мэрии, уважаемые граждане и родные отцы города. Ольга так и не поняла, что там Митяй разрулил и каким образом. Знала только, что партнера Митяя по бизнесу, с которым они на пару возили из Москвы товар, нашли потом мертвым в лесополосе.

– Спасибо, Митя, мне недалеко, я сама дойду.

Ольга быстро пошла по улице, высоко подняв голову, цокая каблуками – женщина-виденье, такая желанная, такая чужая...

Митяй тронулся с места и поехал вдоль тротуара параллельным курсом. Опустил стекло, посигналил:

– Оль! Садись, говорю!

Она покачала головой и прибавила шагу.

«Глупость какая, – думала Ольга. – Хорошо же это все выглядит со стороны!»

Выглядело действительно странновато. По тротуару идет женщина с сумкой, из сумки торчат перья лука и яблоки, а рядом с ней медленно едет грязный автомобиль с опущенным водительским стеклом. И за рулем, между прочим, – лучший друг ее мужа! Идиотство!

Митяй снова высунулся из окна:

– Ну чего?

– Ничего. – Ольга сердито потрянула головой и перехватила сумку другой рукой.

– Так и будем передвигаться?

– Так и будем.

– Ну-ну, – ухмыльнулся Митяй, – давай. Повеселим народ. Мало ему веселья, так хоть мы развлечем.

Ольга остановилась.

– Митя! Я действительно прекрасно дойду до дома сама! Пожалуйста, не надо ставить меня в дурацкое положение.

Митяй усмехнулся, как будто спал и видел, чтобы Ольга оказалась в самом что ни на есть глупом положении.

– Садись. А то так и буду за тобой до дома ехать.

Ольга поняла: так и будет. Что ей оставалось? Она вздохнула и села в машину.

В машине пахло хвойным освежителем и сигаретным дымом. Ольга запах дыма не любила. Стаса она гнала на кухню, когда он пытался закурить в спальне, а летом уговаривала выходить с сигаретой на балкон. Даже купила туда плетеное ротанговое кресло. Правда, Ольге нравилось, как пахнет трубка Григория Матвеевича – чем-то сладким, вишней, что ли. Но у Митяя в машине запах был совсем другой, застоявшийся, горький.

Ольга покосилась на него, поерзала на сиденье, стараясь отодвинуться подальше, покрепче прижала к себе сумку с продуктами.

– Мить, ну что тебе от меня нужно, а?

– Ничего. Просто хочу тебя подвезти. Тебе домой или в контору?

Ольга ниже опустила голову:

– Домой. Мить, я тебя прошу...

– Ну? Проси, – Митяй ухмыльнулся.

Ольге не понравилось, как он усмехается.

– Митя! Вот честное слово, я Стасу пожалею! Я ему все скажу!

– Да ла-адно. Че ты ему скажешь: он меня подвозил? Так, что ли?

– И у дома караулил, и на работу за нами ехал...

Митяй снова ухмыльнулся, дернул уголком рта.

– Оля, не говори глупостей. У нас в городе всего две дороги. Одна прямо, а другая направо. Так все друг за другом по ним и ездят!

Ольга снова опустила голову. Она не любила делать людям больно, не любила говорить неприятные вещи. Но больше ничего не остается.

– Мить, ты извини, – пробормотала она. – Но я тебя видеть не хочу.

Митяй посмотрел на нее долгим, цепким взглядом:

– А я тебя хочу.

Ольга плотнее прихватила блузку у ворота, вся сжалась.

– Митя, останови. Митя! Я тебя прошу, останови машину!

Митяй только бровью дернул.

Ольгу затрясло.

– Останови, говорю!

Она перегнулась и изо всей силы нажала на клаксон. Машина истерически заорала, на них стали оборачиваться редкие прохожие.

Митяй от нее такой прыти, похоже, не ожидал. Он притормозил, и Ольга стремительно выскочила из машины, прижимая к груди свою сумку, зашагала, не разбирая дороги, куда-то во дворы.

Сзади ее дернули за руку – резко, сильно, так хозяин дергает за ошейник собаку.

– Стой!

Ольга обернулась, вырвала руку. Глаза ее горели.

– Стас твой друг, вместе всю армию пропахали, ты у нас свидетелем был, а теперь... теперь ведешь себя, как... как... свинья.

Митяй отпустил ее, пожал плечами. Что-то у него такое было в лице, отчего Ольга не ушла. Привалилась спиной к дереву, выставила вперед сумку, будто щит. Так они и стояли посреди чужого, закиданного мусором двора.

– Знаешь, Оль, – Митяй пнул носком ботинка валяющуюся под ногами смятую банку из-под пива, – я-то еще не так чтоб полная свинья. Я только начинающая. Поросяенок, можно сказать.

– Мить, я пойду, ладно?

Митяй ее будто бы не слышал. Посмотрел в лицо.

– А почему ты не спрашиваешь – кто тогда свинья?

– Потому что я вообще не желаю тебя слушать.

– Боишься? Бои-ишься. И прячешься потому, что боишься. Как африканская птица страус.

«А ведь он прав, – подумала Ольга. – Я боюсь. Сегодня весь день только этим и занимаюсь. Боюсь и старательно пытаюсь себя убедить, что бояться нечего».

– Сам ты африканская птица, – сказала она с досадой. – Митя, ты бы лучше Стасу помог.

– Стасу? А что такое?

– Не знаю. Какие-то... Какие-то ребята бритые приезжали... Во второй раз уже. Стас ничего не рассказывает, но я и так вижу: у него проблемы. А ты все ходы-выходы знаешь...

– Сам разберется, не маленький. Он у меня совета не просил.

– Ты же друг.

– Я-то? Я друг.

Ольга покрепче прижала к себе сумку, опустила глаза.

– Мить, ты не карауль меня больше, ладно? – попросила Ольга. – Стас увидит, беда будет...

Митяй посмотрел куда-то в сторону.

– Она и так будет, Оль.

– Кто? – не поняла Ольга.

– Беда. Ладно, пока.

Митяй повернулся и пошел обратно, через дворы к своей машине. Ольга смотрела ему в спину, и ей почему-то стало холодно, хотя одета она была тепло и по погоде. Снова кольнуло предчувствие беды. Когда-то в школе им рассказывали, что животные чувствуют приближение цунами и землетрясений. Собаки начинают выть, коты прячутся, канарейки в клетках словно сходят с ума и хлопают крыльями. Может, и она так же? Как те канарейки?

* * *

Длинный полутемный коридор был пуст. Только мигающие лампочки под потолком да двери по обеим сторонам. Холодно. Чуть-чуть, едва уловимо, пахнет плесенью. Где-то бренчит расстроенное пианино. До Ольги доносятся обрывки фраз:

– Талант, талант! Несомненный талант-с!

– Все красоту наводишь?

– Я что, не могу подарок купить?

– Не всамделишный медведь!

– Да не первый раз уже...

И вдруг – громко, как из репродуктора, над самой головой:

– Ольга Михайловна Громова! Прослушайте сообщение! Вас ожидает беда. Повторяю: Ольга Михайловна Громова!

Ольга не хотела этого слушать. Она быстро пошла дальше, распахнула первую попавшуюся дверь и оказалась где-то за городом. Неподалеку текла речка, цвели васильки... На берегу Ольга увидела бабку с замотанными в пакеты саженцами. Она уже видела ее, только вот не могла вспомнить, когда и где. Ольга пошла к бабке, чтобы спросить, как выйти к станции, издали махала ей рукой, обрадовалась – наконец кто-то подскажет, где дорога, наконец она сможет вернуться домой... Ей ведь надо торопиться, ее дома дети ждут! И Стас скоро с работы вернется. Она должна успеть накрасить губы...

– Здравствуйте! – закричала Ольга издали. – Извините, не подскажете, как к станции пройти?

Бабка глянула на Ольгу из-под платка, кивнула и поманила рукой за собой, в маленький летний домик, стоявший тут же, рядышком. Правда, Ольга не помнила, чтобы этот домик был здесь раньше.

Бабка стояла на пороге, улыбалась, махала рукой – давай, мол, скорей! И вроде бы даже пахло из домика молоком и баранками – вкусно, как в детстве. Бабка снова махнула и скрылась в дверном проеме. Ольга заспешила, перескакивая через ступеньки, взбежала на крыльцо, потянула на себя дверь...

За дверью было темно. Запах баранок сменился плесневым духом, вонью лежалых сырых тряпок. Ольга стояла в огромной темной комнате. Прямо напротив мутно, словно глаз под бельмом, поблескивало большое зеркало в тяжелой раме. Ольга подошла к зеркалу. Почему-то она знала, что вот сейчас стекло пойдет трещинами, осыплется на пол миллиардом осколков.

И она так и не сможет увидеть свое отражение. Отчего-то это было очень важно – увидеть отражение...

Зеркало не растрескалось. Но вместо себя Ольга увидела в нем давешнюю бабуку. Бабка так же приветливо улыбалась и возилась вроде бы с саженцами. Прислушалась, подняла глаза и тихо сказала: «Беда будет». И тогда Ольга рассмотрела наконец, что вовсе у бабки в руках не саженцы, а какие-то окровавленные ошметки... От ужаса Ольга закричала и проснулась.

Луна светила сквозь незадернутые шторы. Ольга сидела на диване в гостиной, согнувшись пополам, тяжело дышала, во рту – кислый привкус страха. И в доме – ощущение беды. Что-то случилось. Что-то случилось, это совершенно точно. С кем-то из ее близких, из самых любимых.

Ольга вскочила, споткнулась о валяющиеся рядом с диваном шлепанцы и со всех ног кинулась в детскую. Господи! Добрый боженька! А если их там нет?! Если вместо детей – кровавые ошметки по комнате?

Она распахнула дверь детской, почти уверенная, что Мишки и Машки нет на месте. И тут же обругала себя последними словами. Ну разве можно быть такой паникершей? Вот они. Спят в своих кроватях. Машка своего любимого плюшевого слона к животу прижимает... Ольга поцеловала детей, едва сдерживаясь, чтобы не стиснуть изо всех сил – нельзя, разбудишь. Перекрестила. Закрыла тихонько дверь. От сердца отлегло. Беда ушла.

Ушла? Нет. Она затаилась, отползла в уголок, спряталась в тени.

Ольга пошла в ванную, поплескала в лицо холодной водой, прошлепала на кухню, налила себе чаю, глянула на часы – смешные ходики с котятками, купленные три года назад, дети от них были в восторге. Часы показывали половину одиннадцатого. Сколько же она проспала? Прилегла вроде на пять минут, просто вытянуть ноги, глаза закрыть. А оказывается, три часа прошло. Внутри кольнуло: ночь на дворе. Где же Стас? Почему его нет дома?

Разом в голове всплыли и непонятные бритые визитеры в черной коже, напугавшие ее, и то, что Стас в последнее время стал нервный, и помада эта в его кармане, будь она трижды неладна, почему-то не давала покоя... Ольга налила еще чашку чаю, легла грудью на подоконник, стала всматриваться в темноту двора: не едет ли машина Стаса?

Пусть он скорее приедет! Она тогда зароется носом ему в шею, и муж скажет, что она глупая и что все хорошо. Сегодня, как никогда, Ольга хотела быть глупой и чтобы все было хорошо.

Но машины не было, только одинокий фонарь тускло светил в окно.

Ольга одернула себя: нечего попусту волноваться. Займись лучше делом, и время пройдет быстрее. Она перемыла посуду, натерла морковку на салат, пришила оторванную пуговицу к Мишкиной рубашке, подмела пол в прихожей. Кошка на ходиках равнодушно махала хвостом, отсчитывала минуты и часы. А Стас все не приезжал и не приезжал.

В половине второго Ольга вытащила из тумбочки початую пачку Стасовых сигарет. Прикурила, затянулась, закашлялась, торопливо прикрыла рот рукой, боясь, что разбудит детей. Она курила второй раз в жизни. Первый был на школьном выпускном. Тогда ее мгновенно вырвало, а потом еще полвечера кружилась голова.

Ольга затушила сигарету. Она решительно не знала, что еще делать, поэтому снова уселась на подоконник и стала смотреть во двор. Кошка на часах все махала хвостом.

Стас приехал в третьем часу ночи.

Ольга выскочила в прихожую раньше, чем он успел отпереть дверь, прижалась, зарылась лицом в воротник:

– Ты почему так поздно?

Стас чмокнул ее в макушку, вывернулся, скинул куртку:

– Дела. А ты чего не спишь?

– Тебя жду. Есть будешь?

Есть Стас не стал. Прошел на кухню – Ольга семенила за ним, – достал из холодильника початую бутылку «Столичной», которую она держала для компрессов, молча опрокинул стопку.

– Стасенька... – Ольга села рядом, заглянула в лицо. – Что происходит? У тебя проблемы? Пожалуйста, не молчи!

Проблемы нарисовались на голом месте, и пребольшие. На Стасов автосервис положил глаз Колька Васин. Папаша его, Евгений Иванович Васин – не кто-нибудь, а губернатор местный. Колька – единственный губернаторский сынок. Держит по всей области заправки и авторемонтные мастерские, в их городе тоже две заправки к рукам прибрал и мастерскую в промзоне. Теперь ему Стасов сервис подавай. По сути, варианта у Стаса два на выбор: либо работать под Колькой, либо его закروют. Собственно, бритые ребята в кожанках затем и приезжали, чтобы это Стасу объяснить.

– А ты?

Ольга проводила глазами вторую стопку, которую муж опрокинул в рот, придвинула тарелку с колбасой.

– А на хрена он мне сдался?! Это мое дело, и больше ничье!

Стас стукнул ладонью по столу.

– И что мы будем делать?

– Ты ничего не будешь. – Стас закурил. – А я погляжу. С батей поговорю, в городе батю уважают.

Ольга очень сомневалась, что отец Стаса чем-то против губернаторского Кольки поможет. Он ведь не член Совета Федерации, а шофер на пенсии. Конечно, отец Стаса – не просто шофер, он всю жизнь начальство возил, в том числе и Колькиного отца, между прочим, когда тот о губернаторстве еще и не помышлял, а работал в дирекции местного комбината. Вообще у Стасова отца большие связи, он со многими нужными людьми знаком. Когда Стас затеял сервис открывать, отец помог ему аренду оформить. Но то аренда в промзоне, а здесь – целый губернатор. Никто из начальства, пусть они хоть сто раз Стасова отца знают и уважают, не полезет на рожон, чтобы водителю помочь. А уж о том, чтобы Васин-старший призвал сына к порядку только потому, что когда-то, двадцать лет назад, отец Стаса возил его на служебной «Волге», нечего и мечтать. Но ничего, кроме как попросить помощи у отца, Стасу в голову не приходило.

– Стася... а может, ты с Митяем поговоришь? – предложила Ольга. – Он ведь такой... ушлый. Помнишь, у него проблемы были?

– Так у него с бандюгами были... – Стас пожал плечами, налил еще водки. – Другое дело.

– Ну так я и говорю! – не унималась Ольга. – Теперь ведь все эти бандюги – депутаты и начальники городские! Поговорил бы, а?

– Ладно, – Стас кивнул, медленно встал из-за стола. – Может, и поговорю. Только главное Колькиного папашки все равно никого нету, хоть тресни! Эх, знать бы раньше...

– Что?

– Ничего. Соломки бы подстелил. Ладно... Давай спать, что ли...

Митяй видел Ольгу в окне – тонкий силуэт, принцесса в башне, блин... Он запарковал машину за мусорными баками, сидел на капоте и пялился на ее окна.

Видел, как она выглядывала Стаса, видел, как тот приехал и силуэт из кухонного окна исчез, а потом снова появился, и тени заскакали по шторе, будто темные ночные бабочки с бархатными крыльями... Там, в квартире, она, наверное, разогревала ужин, кормила Стаса. Но со двора видны были только эти мечущиеся тени. Красиво... И тревожно.

Тревожно и есть. Вот была тихая мирная жизнь, лютики-цветочки, скатерть в кружевах. А теперь – пффф, и нет ничего, только тени по окну... Надо бы поговорить, предупредить

надо, а то ведь до беды недалеко. Беда – вот она, в двух шагах, вплотную. А Ольга не знает. Думает, все хорошо.

Он, собственно, и приехал предупредить. Но пока под окном вздыхал и с духом собирался, приперся Стас. Что ж, значит, не судьба...

Митяй в последний раз глянул на ее окна. Будто почувствовав его взгляд, она отошла. Принцесса исчезла. Минуту спустя свет в окнах погас. Митяй скрипнул зубами – представил, как сейчас она скидывает с себя платье, ложится в постель – не с ним ложится, со Стасом.

Он залез в машину, со всей дури пнув подвернувшуюся под ноги пустую пивную банку. Банка задрезжалась по асфальту. Где-то мяукнула кошка, и все стихло.

* * *

Ночью Ольга долго не могла уснуть, ворочалась с боку на бок, стараясь не очень шуметь и не разбудить Стаса. Он уснул почти сразу, а она все думала – о Кольке Васине, которого она никогда в жизни не видела, об учителе рисования Григории Матвеевиче, который сильно постарел в последнее время, а у нее вечно руки не доходят позвонить. О Стасе, о любви своей, о том, как ему сейчас сложно и как он нуждается в поддержке. Заснула Ольга совершенно уверенная, что ничего плохого с ними произойти не может. Потому что у них – любовь, а любовь – она любую беду отведет, в это Ольга верила свято. Напрасно верила, как оказалось.

Когда утром она вошла во двор автосервиса, там стоял серый «газик», а рядом – черная «Волга» со служебными номерами. Ольга быстро, почти бегом, поднялась к себе на второй этаж.

Дверь кабинета была распахнута настежь, оттуда тянуло едким сигаретным дымом, и слышно было, как внутри Тамара тоскливым голосом бубнит:

– Да не знаю я, где она. Отчетность эта... Вот хозяева приедут – они скажут, а я что? Я секретарь... Секретарша...

– Ключи от сейфа у кого? – спросил строгий мужской голос.

Господи, кому это ключи от сейфа понадобились? Что происходит вообще?

Ольга вошла и замерла на пороге.

За ее столом расположился, положив ноги на тумбочку, плечистый мужик в сером костюме. Он ворошил бумаги на столе, курил и стряхивал пепел на пол. Другой – высокий, с залысинами, в дорогих дымчатых очках – сидел на подоконнике, со скучающим видом глядя на двор.

Тамара, бледная, как снятый творог, стояла у стеночки, прижимая к груди белую чашку с золотой каемкой по краю – эти чашки Ольга купила в прошлом месяце, чтобы пить кофе было приятно и красиво.

Увидев Ольгу, она крепче прижала чашку к груди и затараторила:

– Вот она, хозяйка то есть... Приехали... Все у нее... А я не знаю ничего... Я ничего не знаю...

– Ну вот и славненько, что хозяйка... – Плечистый потянулся, хрустнув суставами, откинулся на спинку кресла и выпустил в потолок колечко сизого дыма.

– Что тут происходит? – Ольга переводила взгляд с одного мужика на другого, ничего не понимая.

– Проверка, – ответил тот, что в очках, не отрываясь от созерцания двора.

– Какая проверка?

– Обыкновенная, – лениво протянул плечистый и снова выпустил дымное колечко. Колечко всплыло к потолку и стало медленно таять. – Вы, дамочка, не вскидывайтесь. Что в сейфе?

– В сейфе? – Ольга так растерялась, что совсем перестала соображать.

– Да, в сейфе, в сейфе! – Судя по всему, плечистый начал терять терпение. – Что? Господи, да что ж она, в самом деле, столбом стоит? Она же прекрасно знает, что у нее в сейфе!

– Бумаги. Деньги. Ведомости на зарплату.

– Вы кто будете? Хозяйка?

Ольга энергично замотала головой:

– Муж хозяин. А я главный бухгалтер.

– Вот и хорошо, что бухгалтер, – кивнул очкастый. – Мне как раз ведомости нужны. Как вас звать?

– Громова... Ольга Михайловна... Муж в мэрию поехал, так что...

– Да мы без него пока, – плечистый снова откинулся в кресле. – Показывайте, показывайте ведомости...

Ольга пошарила в сумке, нашла ключи, открыла сейф и стала выкладывать на стол папки с документами.

Плечистый разделил папки поровну, половину отдал своему очкастому напарнику, половину пристроил на стол перед собой и начал просматривать. Он затушил в стоявшей на краю стола чашке окурков и потянул из пачки новую сигарету.

Ольга наконец сообразила сесть. Устроилась на стульчике в углу. Проверяющие не обращали на нее ровно никакого внимания. И что за проверяющие такие, откуда? Налоговая? Аудиторы? ФСБ? Хотя о чем она? Какое дело ФСБ до маленького автосервиса? Да что ж она сидит-то? Надо же, наверное, Стасу позвонить. Он приедет, спросит у них документы, разберется во всем... Ольга придвинула к себе телефон, набрала номер.

На аппарат легла здоровенная лапища с печаткой на безымянном пальце.

– А вот этого не надо, дамочка, – ухмыльнулся плечистый, дохнул в лицо дымом и чесноком. – Звонить мы никому не будем. – И рявкнул – негромко, но зло и неожиданно: – Сядьте! Не мешайте нам работать!

Потом выяснилось, что эта проверка – из налоговой – всего лишь первая в длинной череде проверок и проверяющих. После налоговиков пришли аудиторы, потом – пожарные, потом – санитарный инспектор. Проверяющие писали акты, и выходило по этим актам, что все нормы у них на сервисе нарушены, ничего не соблюдается и в общем и целом работать им нельзя. Ольга плакала и что-то говорила о законности и справедливости. Какая законность? Какая справедливость? Где она живет вообще, в каком мире? – злился Стас. Художница, одно слово. Стас был реалистом и отлично понимал, что происходит, только поделаться ничего не мог. Кого волнует, что санитарные нормы даже в роддоме нарушают, а автосервис – это далеко не роддом? Есть нормы – есть работа, нет норм – нет работы. В другое время Стас бы решил эти вопросы. Сто раз решал. Сунул проверяющим конверт – и все дела. Но сейчас – не то что раньше. Сейчас на него очень серьезные люди имели очень серьезный зуб. И сунуть конверт проверяющему означало почти наверняка пойти под суд за попытку дать взятку должностному лицу при исполнении. Все было просто: его хотели закрыть и его закрыли. Никакие нормы не имеют к этому отношения. Нормы – для того, чтобы их нарушать. Пока ты никому не мешаешь – на это не обращают внимания. Зато когда кто-нибудь из власть имущих решит оттяпать твой бизнес, дело жизни твоей, – тут же все нарушения всплывут, тут же тебе все припомнят.

Все было плохо – и дома, и на работе. Свознячок, который Ольга почувствовала в тот день, когда они везли Машку на утренник, а в зеркале заднего вида маячила машина Митяя, превратился в штормовой ветер. Он рвал крышу, бил стекла и грозился разрушить все, чем Ольга жила, все, что она любила. Стас возвращался по вечерам с серым, безжизненным лицом, выпивал стопку водки и молча ложился спать, отвернувшись к стенке. На Ольгины вопросы он не отвечал.

Дети чувствовали неладное, капризничали, ссорились между собой, чего у них сроду не водилось. Машка то и дело порывалась плакать безо всякой причины, и один раз Стас, который в жизни не то что руку на детей не поднял – голос не повысил, накричал на нее и запер в детской.

Ольга пыталась, как могла, утешать детей, готовила Стасу ужин, улыбалась, запретила себе плакать при нем. Но что толку? Пришла беда, и она ничего не могла поделать. Она все надеялась, что как-нибудь само все уладится, как-нибудь утрясется. Она не верила, что их жизнь вот так вот за здорово живешь можно раскатать по асфальту только потому, что Стас хорошо работает и какому-то там Кольке Васину приглянулся его сервис. Ведь не может все это быть на самом деле! А потом во дворе ее встретили Чапа с дружкой, и Ольга поняла, наконец: все это может быть, оно происходит на самом деле, и ничего уже не утрясется.

* * *

Чапа с дружкой ждали Ольгу около детского сада. Ольга целый день просидела в налоговой и теперь переживала, что всех детей разобрали и Машка там кукует одна. В ларьке возле налоговой Ольга купила шоколадку и альбом с наклейками про принцесс (Машка давно наметала, что вон у Ленки такой альбом есть, но Ольга держалась – очень уж принцессы были уродливые). Она надеялась, что шоколадка и принцессы Машку обрадуют и она не станет расстраиваться, что ее забрали последней.

Ольга подходила к воротам, когда из припаркованной прямо на тротуаре машины вышли двое в черных кожанках поверх спортивных костюмов и вразвалочку пошли к ней. Ольга их уже видела, этих бритых парней. Тот, что повыше, в день, когда впервые повеяло бедой, курил во дворе сервиса, а потом затоптал окурок на клумбе.

Собственно, Ольга сразу поняла, что гориллы ждут именно ее, но все равно попыталась обойти их, не заметить – глаза в землю, ничего не вижу, ничего не слышу, я не я, и лошадь не моя, как говорила мама.

Низенький взял ее под локоток:

– Ольга Михайловна? Поговорить бы.

– О чем? – Голос противно зазвенел.

– Об общих делах.

Главное – не паниковать. Сохранять спокойствие. Сейчас день, мы на улице, они ничего не посмеют мне сделать.

– У нас нет общих дел. Я вас в первый раз вижу!

Низенький ухмыльнулся:

– Не разочаровывайте нас, Ольга Михайловна. Вы ведь женщина умная, во всех отношениях, вразумите мужа. Ну, нехорошо, в самом деле! Ему уважаемые люди хорошее предложение сделали, а он себя ведет... неправильно. Неразумно. Да, Чапа?

Чапа лузгал семечки, привалившись к стволу дерева и уставившись на Ольгу странно прозрачными, голубыми глазами. Услышав, что к нему обращаются, Чапа медленно мотнул бритой башкой со скошенным лбом, что, по всей видимости, означало его полное согласие с напарником. На нижней губе Чапы налипла подсолнечная шелуха. Он провел языком по губам, сплюнул на тротуар.

Ольга отвернулась. Ее затрясло.

– Я не знаю, о чем вы...

– Бросьте, Ольга Михайловна! – низенький говорил с улыбочкой, тихо, почти ласково, как добрый папаша с непонятливым сыном. Сверкнули на солнце золотые фиксы на передних зубах. – И мы все знаем, и вы все знаете! Не ломайтесь. Вы, может, не понимаете, что, если

ваш муж не согласится, плохо будет ему! Ну, и вам заодно с ним. А у вас семья, дети... У вас же дети! Правильно?

Что? Что он сказал? Ольга почувствовала, как руки стали липкими.

– Дети?

– Ну да! – весело кивнул низенький. – Чудесные малютки. Вы их очень любите, я знаю. Мы тоже очень любим детей. А, Чапа? Ты любишь детей?

Чапа снова сплюнул шелуху.

– Обожаю.

– Ты не хочешь, чтобы твои дети остались сиротами, а, Чапа? – Низенький продолжал улыбаться, но глаза его были жесткими, холодными.

– Не-а. Не хочу, – лениво протянул Чапа.

– А чтобы они отвечали за твои ошибки? Хочешь, Чапа?

– Я ошибок не допускаю, – сообщил Чапа и подмигнул Ольге.

– Молодец, Чапа! – Низенький кивнул в сторону напарника, как бы призывая Ольгу в свидетели, что тот большой молодец. – Вот видите, Ольга Михайловна, он никаких ошибок не допускает, зато с *его* детьми все в порядке. Если вы уговорите мужа, с вашими тоже все будет в порядке!

К горлу подкатила тошнота, живот скрутило. Ольга прикрыла глаза, и в голове тут же нарисовалась до жути реальная и выпуклая картинка: Чапа, все с тем же скучающим видом, держит за ворот Машку, смотрит на нее своими прозрачными глазами, сплевывает шелуху, достает нож... Она задышала, как рыба на берегу:

– Вы... Вы не посмеете...

Низенький наклонился к ней, обнял за плечи и зашептал прямо в ухо:

– Мальчик у вас, Ольга Михайловна, такой славный. Такой замечательный, домашний мальчик Миша. И девочка, конечно, тоже! Поберегите их, Ольга Михайловна! А теперь бегите, бегите, небось заждалась Машенька-то!

Он наконец выпустил Ольгу, и она, торопясь и спотыкаясь, кинулась в ворота, не оглядываясь.

Детей в тот же вечер забрал свекор. Без них в доме стало совсем пусто, как будто всю жизнь из их прежде уютного теплого и веселого дома вынули, одна видимость осталась. Вещи были на своих местах, и разноцветные чашки по-прежнему стояли в кухне на полке, и покрывало с маками на кровати, и веселые голубые шторы на окнах. Но все краски разом как бы поблекли, и с порога чувствовалось – в доме неладно.

* * *

Ольга разговаривала со свекровью, когда щелкнул замок входной двери. Свекровь отчитывалась за день: Машенька хорошо покушала, в садике ей наказали выучить стихотворение, и они с дедом учили целый вечер, Миша пошел на двор погулять, все нормально, из окна его видно, нет, горло не болит... Трубку детям дать? А зачем? Машенька сейчас в постели уже, а Мишку, что ли, со двора звать?

– Светлана Петровна, по математике у Мишки как? У него там проблемы были. – Ольга высунулась из кухни в прихожую, тихо охнула и прикрыла рот ладонкой. – Извините, я вам перезвоню... Да-да, Стас пришел. Я перезвоню!

Она швырнула трубку и кинулась к мужу.

Стас сгорбившись сидел на пуфике, стягивал ботинок, скривившись, а лицо и куртка – все было в крови. Глаз заплыл, подбородок, нос – сплошное месиво...

Главное – не плакать. Стас ненавидит, когда она пугается и плачет. Плакать сейчас нельзя.

– С-суки... – процедил муж и скинул наконец ботинок.

Что ж она стоит-то? Ольга бросилась к нему через тесную прихожую, обняла. Стас тут же сморщился от боли, цыкнул языком, зашипел, как кот.

– Тихо...

– Больно, Стасенька?

– Ничего, нормально... С-суки... Слава богу, зубы целы, кажется.

Скинул куртку ей на руки, пошел в ванную.

Пока Стас стоял, наклонившись над раковиной, Ольга маялась в дверях с полотенцем наготове. Вода в раковине была вся красная, как будто свеклу мыли.

«Это не свекла, это кровь», – подумала она, тупо уставившись на розовое в раковине. Ольга никогда раньше не видела столько крови.

Потом, подавая ужин, она все косилась на Стаса, ждала, чтобы он заговорил, боялась спрашивать. После того как муж промыл раны и Ольга смазала их перекисью, оказалось, все не так страшно, как выглядело поначалу. Губа была разбита, щека заплыла и почти закрыла глаз, нос распух, но Стас сказал, что, кажется, он не сломан, и в трампункт ехать отказался. Взял из морозилки пакет со льдом, приложил к переносице и сидел так, пока она разогревала мясо.

– Как ты, Стася?

– Ниче, жить буду.

– Тебя убить хотели? – Ольга принялась собирать тарелки. Руки у нее тряслись.

– Хотели бы – убили. А это так... Предупредительный выстрел был...

– В тебя стреляли?!

– Пока нет. Фигура речи.

– Кто это был, Стас?

– Сама знаешь.

Она знала, конечно. Все те же. Они не остановятся и не отстанут, пока не получат то, что хотят.

– Стас, нужно в милицию пойти. В конце концов, милиция должна вмешаться...

Стас вдруг рассмеялся, но тут же схватился за ребра и скривился – смеяться было больно.

– Так вот они и вмешались.

– Кто? – Ольга ничего не понимала. На секунду ей показалось, что муж сошел с ума.

– Менты, кто ж еще?

Стаса остановили, когда он шел с работы. Двое патрульных, и при них капитан. Ждали, наверное, – где это видано, чтобы патрульные с капитаном на дежурство выходили. Капитан стоял в сторонке, сержантик козырнул и потребовал предъявить документы. Стас пошарил по карманам, но паспорта не нашел и вспомнил, что паспорт остался лежать в конторе, в копировальном аппарате. Он ксерил документы, копии взял, а паспорт вынуть из ксерокса забыл. Стас пытался было объяснить это ментам – ну забыл, мол, ребята, извиняйте. Контора – вот она, за углом, давайте сходим, я вам все предъявлю. Но ребята не хотели никуда идти. Напротив, сообщили Стасу, что он до смешного похож на преступника, который ограбил инкассаторскую машину в соседней области и сейчас в розыске. Так что мы вас, гражданин, задерживаем до выяснения, пройдемте. Стасу бы помолчать, но, видно, напряжение последнего месяца сказалось, и он уперся: не пойду я никуда, вот вам телефон, звоните жене. Она привезет документы.

Сержантик поглядел на капитана, тот кивнул, и Стас получил крепкий удар под дых. Упал, скорчившись, на асфальт и тут же получил ногой в челюсть, после чего, на свое счастье, отключился.

В обезьяннике его продержали часа три, потом отпустили. Видно, получили указание припугнуть, но не увечить. Выпуская его, капитан посоветовал: «Не будь дураком, парень. В другой раз так легко не отделаешься». И про предупредительный выстрел сказал.

...Потом Стас лежал в спальне, закинув руки за голову, и глядел в потолок. Жена сидела рядом, щелкала выключателем торшера. Щелк. Свет в лицо. Щелк – темнота. И снова. И снова.

– Прекрати, – Стас перевернулся на бок, – и так тошно!

Ольга кивнула, оставила в покое торшер, всхлипнула. Ну вот, опять сейчас затянет: «Стасенька, может, заплатить кому-нибудь, может, что-то сделать?...»

А что тут сделаешь? У нас ведь главный тот, у кого сила. А сила – у Кольки. И заплатить некому, потому что они сволочи, не берет никто. Видать, указание получили...

– Стасенька, а может, черт с ним, пойдем к этому Кольке, скажем, что мы согласны, – сказала Ольга. – Ну, не пропадать же совсем!

Стас вскинулся, сел резко, боль ударила под ребра так, что в глазах поплыло.

– Сдурела? Да я лучше вон в Казахстан уеду, чем с этой паскудой... работать. Это мое дело, понятно? Только мое. Я из-за него не жрал, не спал, вкалывал по двадцать часов. Мое, а не Колькино.

– Стас, он не даст тебе работать! Нас уже закрыли, тебя избили, детям угрожают!

Пора сказать ей, что закрыли и угрожали – это еще полдела. Разговор предстоит неприятный, но деваться, похоже, некуда.

Стас сел на кровати, уставился в пол:

– На меня уголовное дело завели, Оль...

* * *

Весь вечер Митяй не находил себе места. Слонялся по квартире, раза три включал телик, потом снова выключал. Завалился было на диван с газетой, но понял, что не может прочесть ни строчки, и газету сунул под диван. Он выпил чаю, потом – коньяку, но непонятная маета все не отпускала, и он наворачивал круги по квартире.

В одиннадцать вечера Митяй спустился к машине и поехал кататься – иногда, если на него накатывала такая вот дребедень, он катался по трассе – пятьдесят километров туда, а потом – пятьдесят обратно. На скорости у него из головы как бы выдувало всю дурь, мысли приобретали четкость, становилось понятно, в чем проблема, и часто – как ее решать.

По уму, надо, конечно, предупредить Ольгу. И он пытался, что, разве не так? Она его, правда, не стала слушать. Сбежала. Вроде бы он сделал все, что мог, пора умыть руки. Но дело-то уж больно серьезное, вот в чем вопрос. Митяй был в курсе проблем с Колькой Васиним, знал, что на Стаса завели уголовное дело. Он про Стаса все знал. И еще – очень хорошо знал Ольгу. Может, даже лучше, чем она сама себя. И уж точно лучше, чем Стас. Митяй уверен был: ради своего обожаемого мужа Ольга на что угодно пойдет. А если так – вся ее жизнь может полететь под откос за здорово живешь. Поэтому слушает она, не слушает, прогоняет или нет, а предупредить ее, рассказать все как есть – нужно.

С другой стороны, никакой выгоды Митяю в этом нет. Тем более что Ольга все равно его не послушает. Он ведь уже пробовал. Вот пускай теперь сама разбирается. Пусть на собственной шкуре почувствует, какой ее Стас молодец, пусть похлебают то, что он ей приготовил, большой ложкой. И когда все кончится – а ведь все когда-нибудь кончается, разве не так? – она останется совсем одна, свободная, перепуганная, одинокая. И вот тогда придет твое время, Митяй. Ей нужен будет кто-то – друг, поддержка, близкий человек, мужчина. И этим мужчиной станешь ты. Но сперва она должна дойти до самого дна. Не мешай. Не езд никуда, Митяй, не говори с ней, не будь дураком. И тогда ты получишь то, о чем мечтал все эти годы, – ты получишь ее.

Митяй покатался по трассе, вернулся домой и лег спать. Но уснуть так и не смог.

Да плевать на все! Он поискал телефонную трубку – телефон, как обычно, завалился под кровать – и набрал номер своего дружбана Стаса – ее номер. Два гудка, три... А если подойдет Стас? Но подошла она, Ольга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.